

А ТРАНШЮ КРЕТА

**Анна Редько
Олег Леонов
Галина Ясюнос
Алина Жданова
Юлия Бутурлина
Дмитрий Шкулепов
Mora Toll
Галия Трушечкина
Дарья Никонова
Алексей Шишкин
За гранью света**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48896352
ISBN 9785005094483*

Аннотация

А чего боишься ты? Каждый хотя бы раз в жизни испытывал это неприятное ощущение, когда, столкнувшись с чем-то неизведанным, попадаешь в холодную и липкую паутину страха. Это чувство парализует тело и разум, превращая даже самого сильного человека в безвольную марионетку, которая не в силах противостоять надвигающейся опасности. В этом сборнике

собраны истории нескольких авторов, и каждый из них видит страх по-своему. Возможно, и ты найдешь свой личный кошмар, чтобы смело взглянуть ему в лицо

Содержание

Маха	7
Тропы. Под луной	7
Тропы. Сумеречный свет	35
Запах	49
Лестница	59
Сладкий страх	65
Детские игры	67
Прячься	73
Такие узкие щели	76
Sad	80
Авантюристы	80
Актерское мастерство	96
Пожирающий	103
Конец ознакомительного фрагмента.	105

За гранью света

Все представленные тексты опубликованы на сайте SSikatno.com

Авторы: Жданова Алина, Мога Toll, Шишкин Алексей, Леонов Олег, Никонова Дарья, Шкулепов Дмитрий, Бутурлина Юлия, Трушечкина Галия, Редько Анна, Ясюнос Галина

Редактор Мария Петрова

Иллюстратор Анна Редько

Иллюстратор Станислав Осипов

© Алина Жданова, 2019

© Мога Toll, 2019

© Алексей Шишкин, 2019

© Олег Леонов, 2019

© Дарья Никонова, 2019

© Дмитрий Шкулепов, 2019

© Юлия Бутурлина, 2019

© Галия Трушечкина, 2019

© Анна Редько, 2019

© Галина Ясюнос, 2019

© Анна Редько, иллюстрации, 2019

© Станислав Осипов, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-9448-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Маха (Mora Toll)

Тропы. Под луной

Городской парк, тенистый, подсвеченный блеклыми фонарями и немного запущенный, с наступлением темноты отпугивал от себя даже местных алкашей. Тонкие струи тумана вытекали из-под сводов кустов и деревьев, принося знакомые мне запахи сырости и озер, так чуждые этому месту, расположенному рядом с центром города.

Сейчас, когда меня никто не видел, я спокойно прошлепала босыми ногами по асфальту, перешагнула низкий каменный парапет, обозначающий границу парка, и, перейдя дорожку, нырнула под кроны деревьев. Вторая тропинка налево с северной стороны, вглубь. За спиной сомкнулись первые кусты, выжженный на груди знак мягко запульсировал, и в нос пахнуло звериным духом и мокрым деревом. Влажная тропинка мягко поглощала звук и без того бесшумных шагов, ветки цепляли косички и ленты в волосах, низ штанов старых джинсов набряк от росы с придорожных трав, но это были родные и знакомые ощущения.

Скоро дорожка вывела на более открытое место: справа небольшая полянка перетекала в пригорок, покрытый редкими и кривыми, но мощными деревьями. Дальше она поднималась ввысь, на Лунный Холм, круто вздымавшийся на добрые полсотни метров. Слева та же полянка превращалась в болотистый луг, уходящий в густые заросли ивняка. На возвышенности под деревьями резвилась волчья стая, не обращая на меня никакого внимания. На Лунном Холме

виднелись два обнявшихся силуэта, видимо, наблюдающих закат – это было излюбленное место здешней молодежи.

Я шла все дальше и дальше, пока тропа не превратилась в крепкую грунтовку и не вывела меня к низким домикам барачного вида, но более ухоженным и удобным, нежели обычные временки. Четвертое здание, второй этаж, открытая, как здесь принято, дверь. Коридора нет, сразу открывается гостиная с сидящим в кресле-качалке крепким стариком с седыми и густыми, переплетенными лентами и нитями, гривой спадающими на плечи волосами. Как у всех здесь. Он не поднял на меня взгляд, когда я поцеловала его худую щеку, просто улыбнулся. Как всегда такой. Я нырнула на балкон и увидела там Келми. Она плела что-то, сидя спиной к стене, и тихо напевала под нос песенку. На ее лице искрилась улыбка, а кожа сияла лунной белизной с розовым румянцем. Я упала рядом и поцеловала ее в губы, твердые, как полированное дерево.

– Орен! Тебя давно не было, – ласково улыбнулась Келми, ответив на поцелуй, и ее глаза полыхнули тысячами звезд. – Я скучала.

– Я тоже, моя светлая, я тоже, – я мягко провела пальцами по ее черным волосам. – Как ты? Как все наши?

– Знаешь, всё по-старому. Всё...

– Ты с кем тут разговариваешь? – в дверь просунулась коротко стриженная голова Ивса. – Чего сразу к нам не пошла, а сидишь здесь?

– Я? Как с кем... – я запнулась и перевела взгляд на Келми. Она молча улыбалась, глядя только на меня. – Ни с кем, Ивс, привет. Я скоро приду ко всем, – улыбнулась я, и он понимающе исчез в комнате. Я посмотрела на мое Солнце, она сидела и также смотрела мне в глаза, слегка насмешливо.

– Как я могла забыть? – спросила я ее. Келми засмеялась и чмокнула меня в нос:

– Не парься. Это даже приятно.

– Что с тобой сейчас? Где ты? – я смотрела на нее, ощущая предательские слезы на глазах.

Келми погрустнела и стала серьезной. Подняв глаза вверх, она тихо проговорила:

– Моей кровью матери напитали свои груди, чтоб кормить своих младенцев. Мое тело разнесено ветрами и дождями. Моя кожа греет ноги счастливых женщин в уютном доме. Мои кости тлеют пеплом в костре. Меня нет, Орен, – она снова посмотрела на меня печальными глазами, подернутыми дымкой.

– Я смогу тебя вернуть? – я спросила тихо, еле слышно, но ей хватило бы и моих мыслей.

– Не знаю, возможно. Это долгий путь до конца Троп и обратно.

Я встала и, не глядя на нее, вошла в комнату. Каи посмотрел на меня:

– Поговорили?

– Да, – я замялась. – Как вернуть её? Я была там, вне,

но не нашла ничего. И забыла. Как я могла забыть?

Я упала перед стариком на колени и залилась слезами. Сухие и сильные пальцы коснулись моих волос, перебирая косички.

– Я не знаю, Орен, не знаю. Боюсь, что это опасно, и не факт, что вообще возможно. Дерир не захочет терять еще и тебя, и я не хочу.

– Каи, – всхлипнула я, – я не могу без нее жить! Ты знаешь это. Я любила ее больше всех в стае и буду любить всегда! Помоги мне!

Я подняла на него заплаканные глаза. Старый волк вздохнул и провел ладонью по моим волосам последний раз:

– Иди к змеям, по Змеиной Тропе. Они должны знать, их считают великими шаманами, умеющими оживлять мертвых. Я бы тебя не пустил, но ты не подчиняешься нашей крови.

Каи мягко поцеловал меня в лоб, и я ушла, напоследок коротко поблагодарив вожака.

Снаружи уже переминались с ноги на ногу с десятков волков моей стаи, двое – Ивс и Глад – даже в человеческом обличье. Радостно обнявшись со всеми, я, впрочем, отказалась идти в наш дом и предпочла сбежать, пока Дерир не явился уговаривать меня. Стерпеть боль еще одного расставания я бы не смогла.

Чтоб быстрее добраться до начала Троп, пришлось встать на четыре лапы – забытое ощущение. Травы в лицо, на-

мокшая шерсть и далеко позади еле слышный вой брата, не успевшего меня остановить. В парк я вылетела в том же обличи, рывкнула на завизжавшую девицу, припозднившуюся домой, и молнией пронеслась до пятой с севера направо тропы. Влетев в переход, я была вынуждена затормозить и снова встать на ноги. Запах болота, прелой листвы и змеиных шкур ударил в нос. Змей тут было гораздо больше, чем волков у нас. Впрочем, не все они были оборотнями.

Вдоль тропинки извивался вязкий ручей, скорее похожий на текучую лужу, деревья, покрытые висячими бородами мха, кривились вокруг Тропы. Из высокой травы справа раздались шорох и шипение, и навстречу мне поднялась змея, быстро трансформирующаяся в получеловека с хвостом рептилии. Видимо, принимать чистый облик перед гостями тут было не заведено.

– Чего тебе здесь надо? – по-гопнически вежливо обратился змей.

– Главного мне надо, – не менее вежливо ответила я.

Змей с шипением рассмеялся:

– До хрена хочешь, – резюмировал он. – Тут не проходной двор.

– Слушай, не знаю, как тебя зовут, – попыталась я воззвать к здравому смыслу чешуйчатого. – Про ваших шаманов ходят легенды по обе стороны миров. Вы можете оживать умерших, и мне нужно знать, как это сделать.

Змей удивленно посмотрел на меня, а потом разразился

вполне человеческим хохотом. Причем он так надрылся, что полностью обратился в человека. В весьма симпатичного, замечу, худощавого парня с бледной кожей и рельефной мускулатурой.

– Ты совсем с ума сошла, – наконец соизволил ответить он. – Ты веришь в легенды и рвешься в святая святых. Иди обратно, пути тебе не будет.

– А ты спроси, авось пропустят. Тем более у меня кое-что есть на обмен, – с этими словами я достала из кармана мешочек и поболтала им под носом у рептилоида.

Терпеть не могу Змей, хотя во мне и течет частица их крови. Гады падки на артефакты, этим я и решила воспользоваться. Змей замороженно смотрел на мешочек, ощущая ауру камня внутри.

– Так что, поговорим с начальством? – продолжала искушать я. Змей моргнул и махнул рукой:

– Иди за мной. Если Нргхант заинтересуется, с тобой поговорят, – с этими словами парень двинулся по тропе, а я облегченно вздохнула и пошла следом, снова пряча артефакт.

Тропинка уводила всё ниже и ниже, ручьи звенели всё сильнее, и за их стройными голосами уже слышался шум далекого водопада. Змеи жили глубоко в пещерах под землей.

Вскоре деревья расступились, открыв вид на огромную долину со скалами на горизонте, всю пронизанную реками и ручьями, с темной лентой Тропы посередине. Путь до пещеры обещал быть долгим, но змеи никуда не торопились.

Если в мире волков до первых домов нужно было идти на ногах не больше трех – трех с половиной часов, то путь к змеиному логову занял половину ночи. Куда быстрее добежать, но у змей в зверином облики нет ног.

Когда перед нами открылась пещера, я вполне пресытилась видами долины и обрадовалась концу пути. Спуск обещал быть более коротким, но вступив под своды пещеры, я поняла, что всё немного хуже. Босые ноги скользили по влажным камням, духота нарастала по мере продвижения вглубь, мой лоб часто пытался встретиться со сталактитами, вокруг была полная темнота. Змеям свет был не очень-то нужен – тепловые рецепторы заменяли им глаза. Впрочем, и мы не лыком шиты: хотя эту способность я почти не переняла, но чтоб ориентироваться в полной темноте, мне хватало и тех крох света, что здесь были.

Наконец стены тоннеля расступились, открывая слабоосвещенную пещеру, где на каменном одре возлежал главный змей с труднопроизносимым именем.

– Нргхант! Она пришла говорить с тобой и принесла дар! – воодушевленно изрек парень и поклонился шаману. Верховный лениво приоткрыл глаз и посмотрел на моего проводника.

Видимо, пафос и тут не приветствовался, но как же не произвести впечатление и не поддержать легенду. Осмотрев Змея, Нргхант перевел взгляд на меня и открыл второй глаз, с ходу учуяв камень.

– Чего ты хочешь за артефакт, дитя? – трескуче-шипящим голосом спросил он.

– Я хочу знать: правдивы ли те легенды, что утверждают, будто вы умеете оживлять своих мертвых? – спросила я, сделав шаг к ложу. Из всех углов пещеры донеслось тихое шипение, и я остановилась.

Вождь, метнув взгляд в темноту, снова посмотрел на меня:

– Зачем тебе это? Жители Троп не умирают не в свое время.

– Моя... – я запнулась, – ее убили. Люди. По ту сторону. Я не хочу жить без неё, – я сглотнула ком и подавила злые слезы. – Я искала ее тело, ее убийц, но их мир не меньше наших и их миллиарды. И они не считают убитых зверей.

Нргхант закрыл глаза и прошипел что-то. Все змеи и парень-проводник моментально расползлись, оставив нас наедине.

– Подойди, – сказал вождь, не открывая глаз. Когда я приблизилась, он склонился ко мне и начал говорить:

– Наш народ редко выходит из-под земли в мире людей, но они ненавидят нас не меньше волков. На земле есть трава, называется она рогоцвет по-нашему, но помогает, только если прошло не более трех часов с момента смерти. Что до твоей... Что касается твоей проблемы, тебе придется дойти до конца Троп. Но путь опасен и долог, и даже я не знаю всего. Путешествие к краю мира займет не один месяц, и я бы

посоветовал тебе заглянуть к Орлам или Воронам, только на их крыльях ты сможешь добраться туда.

– По какой тропе мне идти до конца? – я уже была готова сорваться и бежать.

– По всем, – ответ Змея застал меня врасплох.

– Что, по каждой тропе пройти до конца нужно? Это десяти лет не хватит!

Нргхант усмехнулся:

– Нет, ты не поняла. Ты должна пройти одновременно по всем тропам до конца.

– Как? – я растерялась окончательно. – Это же нереально!

– Поймёшь, – ответил Змей и откинулся на ложе. – Иди.

Ты сможешь.

Я достала мешочек и извлекла идеально круглый огненный опал, покатила его в пальцах и протянула поводья. Змей не отреагировал, я просто оставила камень рядом с ним и ушла.

Обратно меня никто не провожал, и я обнаглела, приняв облик волка, чтоб быстрее добежать до перехода. Мне было о чем подумать: Орлы «гнездились» в скалах на заоблачной высоте, куда никак не добраться, а мир Воронов был почти сплошным лесом с могучими деревьями и нехоженными тропами, если не считать главной Тропы, которая никогда не зарастала. И всё же я выбрала Орлов: они, конечно, невероятные гордецы, но не такие психованные, как Вороны.

Выход в парк, первая тропинка направо с запада.

Спаси Луна того, кто создал Тропы и конкретно Тропу Орлов! Это не мир, а кошмар. Поля, долины, бесконечные скалы и ущелья: с одних пытаешься не упасть, в другие упираешься лбом.

В небесах парили орлы. Я села на край очередной пропасти и задумалась. Можно вечно ждать, пока кто-то из них соизволит спуститься, и так и не дожидаться. Но стоило мне подумать об этом, как рядом спланировали две огромные птицы и, едва коснувшись земли, обратились людьми. Стройные, тонкокостные, высокие, с пестрыми волосами и в кожаных одеждах они напоминали скорее индейцев или амазонок. Цивилизация им была до лампочки.

– Приветствуем тебя, сестра! – хором сказали парень и девушка, стоя за моей спиной.

Я поднялась и поприветствовала их в ответ.

– Зачем пожаловала? – спросил Орел и представился. – Меня зовут Герг, а это Славия. Чем мы можем помочь?

Немало удивленная таким приемом я не сразу нашлась что ответить:

– Нргхант, вождь Змей, послал меня к вам, сказав, что мне нужны крылья. Я так и не поняла, что он имел в виду, но надеюсь, ваш старейшина прояснит ситуацию.

Орлы переглянулись, и Герг неуверенно начал:

– Но у тебя ведь и так есть крылья... – он посмотрел на меня с подозрением. – Ты выглядишь как Волк, но ты не Волк.

Орел замолчал, молчала и я. Становилось всё непонятнее.

– Мы покажем, – коротко сказала Славия и протянула руку. Я неуверенно взяла ее и покорно поплелась следом, слушая странный рассказ о том, как нужно летать. Волку. Летать. Уму непостижимо.

Рассвело. Долина укуталась языками тумана. На мне не было живого места от синяков, но летать я так и не могла, что совсем не странно. Однако Орлы почему-то никак не успокаивались, да еще и собрали два десятка сородичей, которые тоже убеждали меня, что я из крылатого племени.

– Надо прыгать с обрыва, – наконец сказал Эрко, щуплый, но очень серьезный Орел, и я поняла, что мне конец.

– А может, вначале к шаману, а? – робко попросила я.

– Норг в Соленых горах, два дня его точно не будет, – ответил Эрко. – Туда только лететь, дорог нет. Ты не успеваешь понять, что надо делать, а с земли птице в первый раз не взлететь.

О Луна! Птице! Я совсем расстроилась, но усталость и отчаяние взяли верх. Нет, я не поверила, что смогу взлететь, но может, мне этого и не надо? Келми мертва, к чему мне жить?

Я встряхнулась и ощерилась:

– Пошли. Я готова.

Орлы радостно повели меня к краю каньона. Маньяки какие-то. Внизу, едва различимая взглядом, текла река. Повторив еще раз все инструкции, птицы почтительно отступили,

ожидая моего решения. Я закрыла глаза. Келми улыбалась мне, как в последнюю нашу встречу.

– Я иду, – шепнула я и шагнула вниз. Рядом сорвались в полет два десятка огромных птиц.

Пронизывающий ветер рвал одежду и волосы, бил в лицо, вышибая слезы. Стремительно неслись навстречу скалы, приближалась река. Я расправила руки и...

Так летают только во сне, когда упругий ветер подхватывает сильные крылья, и тело несется на потоках воздуха ввысь. Два взмаха, и я стрелой ухожу в небо. Я вижу Орлов в смятении и смотрю на себя. Мои крылья серые, как сумерки осенью, и они больше, чем крылья Орлов. Мать вашу, что это такое? Я приземлилась на край каньона, откуда недавно шагнула вниз, и легко трансформировалась обратно, ничего нового в этом не было. Поодаль опустились Орлы, не решаясь подойти ближе и опасливо поглядывая на меня.

– В чем дело? – крикнула я им. – Что это было?

От стаи отделился Эрко и подошел поближе, но на безопасное расстояние.

– Мы не знаем, что ты, и первый раз видим такое превращение, – он помялся. – Может, ты скажешь, кто ты такая? Ни на одной из Троп нет таких существ.

«Ни на одной из Троп никто не обнимает и не целует мертвых», – подумала я.

– Мне надо знать, как пройти по всем Тропам до конца, –

я уже отчаялась что-либо понять.

– Дождись старшего или лети в Солёные скалы, – ответил Эрко. – Мы боимся тебя, – добавил он и потупился.

Орлы взмыли ввысь, оставив меня наедине с мыслями. Келми появилась внезапно со спины и обняла меня:

– Я тоже не очень понимаю, – сказала она, кладя голову мне на плечо, – но ты была прекрасна. Эти крылья, этот хищный оскал. Твоя мать гордилась бы тобой, хотя она явно не ожидала, что от союза Волка и Змея родится такое.

– А ты знаешь, куда пропала моя мать? Это запретная тема, но ты же не в стае сейчас, – я обернулась к любимой. Келми грустно посмотрела на меня:

– Она была шаманкой и отправилась в Лунный свет, едва выкормив тебя. Вместе с твоим отцом-змеем. Они просто ушли по лунным лучам и больше не принадлежат ни к одному из миров.

– А почему только я вижу тебя? – я коснулась ее щеки, и она совершенно по-волчьи потерлась об нее.

– Я вижу твою ауру, и она не такая, как у всех. В тебе есть темнота, и она инородна.

– Темнота? – я удивилась. – Но она есть во всех нас, во всех жителях Троп.

– Она другая, – промолвила Келми и, развернувшись, пошла прочь. Напоследок любимая обернулась и с ехидной улыбкой ответила на мои мысли. – Нет, я тебе не глючусь.

Я засмеялась и, обратившись в крылатое нечто, взмыла

ввысь. Путь лежал к Соленым скалам на горизонте.

На крыльях преодолевать путь оказалось куда проще и быстрее: восходящие потоки воздуха позволяли парить, почти не тратя сил, стоило только набрать нужную высоту. Горы приближались, встречающиеся Орлы шарахались – всё как всегда, ага. На Нурга я наткнулась по счастливой случайности – увидела с десятков людей на уступе скалы и спланировала к ним, крича на лету, чтоб они не боялись и что я, мол, к главному. Орлы, конечно, не разлетелись, но отскочили в стороны и остались на почтительной дистанции, и только шаман подошел ко мне и обнял как родную:

– Я ждал тебя, – сказал он и отстранился, разглядывая меня. – Ты первая из нас, кто соединит Тропы.

– Я именно это и хотела узнать, – пробормотала я, немного ошалев от такой встречи и услышанных слов.

– Пойдем, я расскажу тебе о семнадцатой Тропе, – проговорил вождь, уводя меня вглубь уступа, оказавшегося вполне уютным гнездовьем под скалистым навесом, скрытым от посторонних глаз.

Мы уселись на мягкие тюки, и шаман, закулив трубку, начал рассказ:

– Когда-то давно не существовало Троп. Мир был един. Все существа жили в гармонии и согласии, Земля существовала на всех уровнях сразу. Но потом что-то сломалось в сердце Мира, пришло в негодность, и он распался на семнадцать частей. Шестнадцать из них стали самостоятельными:

пауки, крысы, кошки, тигры, медведи, мы, волки и другие зажали обособленно. Мир людей замкнулся в себе, оставаясь переходом между остальными. Но есть и семнадцатая Тропа, Тропа мертвых. В нее нет входа и из нее нет выхода для жителей Троп, однако все мы изначально могли пройти по ней. Тебя не смутила общность трансформации всех жителей миров? Мы все – потомки одного вида оборотней, не ограниченного единственной животной ипостасью. Но это было так давно, что все об этом забыли. Ты первая, кто не скован этими условностями. Твои родители были чистыми потомками первородцев и пожертвовали собой ради раскрытия и объединения. Я вижу, ты не понимаешь. Но ты ведь общаешься с мертвыми? Ощущаешь их?

Келми вышла из-за уступа скалы и села рядом. Я старалась не смотреть на нее, но рука дернулась в ее направлении. Норг посмотрел на то место, где сидел призрак и улыбнулся:

– Кто там у тебя? Кого ты хочешь вернуть?

– Это моя любовь, моя сестра и душа, – проговорила я, сжимая руку Келми и глядя на нее. Она посмотрела на меня с нежной улыбкой. – Ее убили люди.

– Пройди по семнадцатой Тропе, найди выход с нее, и ты вернешь мир к его истокам, а нас к нашим возможностям. Больше никто не знает секрета, как раскрыть первородное в каждом из оборотней, твои родители унесли это с собой. Только изначальноный сможет вернуть всё как было.

– Избранная, о да! – усмехнулась я.

– Нет, – серьезно ответил Норг. – Избранность – бред. Ты – раскрытая первородная жертва.

– Что?! – у меня аж челюсть отвисла. – Какая еще жертва?

– Понимаешь, как твои отец и мать пожертвовали собой, чтоб открыть тебя, так теперь и ты должна будешь принести себя в жертву ради Единого Мира и жизни твоей любви. Но в отличие от родителей, твоя жертва не будет безболезненной. Ты обречёшь себя на вечные муки за границами мироздания, – Норг посмотрел на меня в упор. – Ты не сможешь вернуться. Никогда. От тебя останется только боль, и даже сотрется память о том, что ты когда-то существовала.

Я сидела замерев. Нет, я готова была на жертвы ради стаи, готова умереть сотни раз ради Келми и не собиралась отступить, но...

– Мне надо подумать, – сказала я, вставая. Келми сидела там же с не менее ошарашенным видом и молчала.

Отойдя к самому дальнему краю уступа, я свесила ноги вниз и уставилась вдаль. В голове метались обрывки мыслей и образов, которые я никак не могла уловить, да и не пыталась. Нет, меня не пугали мучения или я плохо представляла, какими они будут. Скорее, меня мучил неожиданный поворот событий с этими внезапными открытиями и обращениями. Количество глупостей, совершенных за последнее время, тоже немного смущало, хотя благоразумием я никогда не отличалась. Келми подошла и села рядом, взяла меня за руку и крепко сжала. Помолчав, она тихо заговорила:

– Может, и не надо тебе этого делать? По крайней мере, мы так же, как и раньше, можем видаться и ощущать друг друга, разговаривать. И ты останешься сверхсуществом, единственной. Это же круто! – она с улыбкой посмотрела на меня.

– Ты же чувствуешь боль? – спросила я и подняла на нее глаза. Келми отвела взгляд.

– Чувствую. Я постоянно ощущаю всё с момента смерти: каждую рану, каждый вырванный волосок, каждую сожженную кость. Я не хочу, чтоб это чувствовала и ты.

– Тогда ты понимаешь меня. Тем более тебе не будет больно ни физически, ни морально. Ты и все остальные забудете меня.

Келми молчала, а я сидела и улыбалась, просто забив на всё и вся и наслаждаясь ветром.

Когда совсем стемнело, я подошла к Норгу:

– Скажи, как найти тропу?

Вождь вздохнул:

– Пройди до центра парка, но не по Тропе. Поднимись как можно выше, и ты увидишь переход. Но пути назад не будет, с Мертвой Тропы никто еще не возвращался. Да и мои слова о переходе – это только теория и легенда, ты же понимаешь, что этого никто и никогда еще не делал.

– Спасибо, – сказала я и вернулась к краю обрыва. Глубоко вздохнув, я расправила крылья и полетела к выходу. Келми осталась далеко позади, и я боялась, что ее дух попытается

меня остановить всеми возможными способами. Но вышло всё гораздо проще, если, конечно, не считать моральной составляющей.

Уже приняв облик человека, я вышла в парк. Скоро должен был заняться рассвет, и мне следовало торопиться. По первой же каменистой дорожке я пошла к центру. Взгляду открылся небольшой пятачок со скамейками посередине, как и всегда пустыми. Фонари тут были разбиты, и ничто не освещало это место, кроме сумрачного света, проникающего сквозь тучи. Начинал накрапывать мелкий холодный дождь. Снова приняв облик крылатого существа, я взмыла вверх. Всё выше и выше, под самые облака. Уже сам парк стал похож на смутное серо-зеленое пятно внизу, а перехода я так и не видела. И тут запульсировал знак на груди.

Когда небо и земля меняются местами, это очень и очень странно. Меня перевернуло несколько раз и выплюнуло всем телом о камни. Это была первая Тропа на моей памяти, которая начиналась острыми камнями и ими же продолжалась. Откашлявшись после удара, я поднялась и, не меняя облика, взмыла вверх: по камням, сбивая ноги, ко мне бежала Келми. Это был ее мир, и тут она была другой, настоящей. Но я не хотела, чтоб это отвлекало меня от цели, пусть и призрачной.

Подо мной расстилалась пустыня, усыпанная каменными обломками, Тропа четко выделялась своей мрачностью среди этого бедлама. Когда я преодолела очередной хребет, пе-

редо мной открылся совершенно неожиданный вид: среди изумрудных долин и лесов располагались огромные озера, текли широкие реки. Озера вопреки логике переходили в водопады, украшенные десятками радуг, а реки текли вверх по холмам, поднимая иногда тонкие струи к веткам деревьев, и листья тут же впитывали их. На небе светили одновременно и солнце, и луна. Весь мир был каким-то нереальным.

Пораженная красотой, я совсем забыла про многодневную усталость и просто захлебывалась восторгом. И, конечно, потеряла счет времени, так как полночной ночи или дня здесь не было, а кроме Келми в самом начале пути, ни одного человека я не увидела. Не встретила и животных. Прекрасный мир, который должен быть наполнен душами мертвых, казался абсолютно пустым, и сейчас, спустя долгие часы пути, меня это взволновало. Вслед за беспокойством пришло бессилие, крылья потяжелели, и я в ускоренном темпе стала присматривать место для отдыха, так как с каждой минутой становилось всё труднее. В результате я рухнула на какой-то холм и моментально отключилась.

Не знаю, сколько я проспала, но очнулась внезапно, вынырнув из тяжелого черного забытья. Первые несколько секунд в голове гулко носились мысли, значение которых я не успевала уловить. Тело болело как избитое, но голова была ясной. Вокруг было так же пусто, как и раньше. Странное это ощущение, когда слышны лишь звуки ветра в кронах деревьев, шепот воды и трав, и нет криков птиц или стре-

котания насекомых. Ощущение мертвой и жуткой пустоты и одиночества нахлынуло вместе с первобытным ужасом, захлестывая с головой. Тревога поползла холодной дорожкой по спине, начиналась паника. Везде чудилась опасность, от которой нельзя скрыться, ожидание нападения со спины. Страх не отпускал ни на миг, а только рос, и я снова взмыла в небо, не обращая внимания на боль в мышцах. Стало легче. Всё же тысячелетия естественного отбора приучили к тому, что тишина – признак таящейся опасности, а вдалеке от земли как-то спокойнее.

Лететь было тяжело, спускаться – страшно, а тропа всё бежала и бежала вперед через уже не кажущийся таким прекрасным мир. Солнце и Луна неподвижно висели в небе, внутренние часы отсчитывали минуты десятками, усталость нарастала куда быстрее, чем вчера, а на горизонте начала клубиться какая-то сизая дымка, которая тревожила меня. Сил становилось всё меньше, но мне нужно было добраться туда и понять, что это такое. Слишком страшно было теперь спускаться и ночевать там, внизу, в мертвой тишине и пустоте рядом с этим мутным маревом.

Преодолевая из последних сил оставшиеся километры, я поняла, что именно вижу перед собой. Сгустки дрожащей серо-сизой энергии плотным коконом окружали нечто мощное в середине. Тропа раздваивалась у этого кокона, огибала его с двух сторон и, насколько я могла видеть, продолжалась за ним. По моим предположениям, это и был центр Мира

Мертвых, но странно, что он так близко от входа.

Развернувшись в воздухе, я полетела к ближайшему скалистому холму, обратно вдоль Тропы и только спустя десять минут поняла ловушку этого мира: путь назад был бесконечен. Я улетала от центра, но одновременно удалялся и холм. Тропа растягивалась, и подо мной разворачивались леса и долины, которые казались на пути сюда маленькими островками травы и небольшими скоплениями деревьев. Как будто мир одновременно расширялся во все стороны, прорастая новыми деталями ландшафта. Я запаниковала и зависла на месте, с трудом махая отяжелевшими крыльями. Лететь назад смысла не было – неизвестно, сколько времени займет этот путь. Оставалось нырнуть в сумрачную хмарь. Вряд ли я смогу справиться с этой энергией или что-то сделать, но я слишком устала, а отчаянье давно овладело мной.

Я решительно полетела к энергетическому кокону. «Второе самоубийственное дело за последние несколько дней. Чую, что схожу с ума», – подумала я и с этими мыслями нырнула в холодное и упругое марево.

Сквозь энергию скользить было физически легче, но в голове моментально возникли все самые страшные и болезненные моменты жизни. Перед внутренним взором мелькали все смерти, потери, боль, страхи, что я когда-либо видела или переживала. Грудь сдавило от страданий, и я из последних сил держалась, чтоб только прорваться в сердце этого круговорота негативных эмоций.

Всё кончилось внезапно: вихри расступились, обнажив каменное возвышение в центре всего этого ужаса, эмоции схлынули, и я спикировала вниз. Ноги подкосились, и я упала на четвереньки, переводя дыхание. Тут, внутри кокона, было тихо и спокойно. Я легла на спину и закрыла глаза. Почему никто не добрался сюда? Если это, конечно, центр и та самая точка. Я открыла глаза и встала. На площадке антрацитового цвета лежал грязный каменный шар самого простого вида размером примерно мне до пояса. Обычная глыба, казалось бы, но от нее веяло угрозой и страхом. Я подошла ближе и осторожно протянула руку, но тут же отдернула. Ничего не произошло, но все инстинкты вопили об опасности. Я подошла еще на шаг и снова протянула руку. «О Луна! Что я делаю?» – успела подумать я за секунду до того, как моя ладонь коснулась холодного изваяния.

Подождав пару секунд, я открыла один глаз, а затем и второй. Всё как и было: серая стена вихрей вокруг и спокойный, тихий булыжник. По-моему, я просто ошиблась, и это не центр, а какая-то ерунда. Облегченно и расстроено вздохнув, я села на площадку, облокотившись спиной на шар, и спустя пару минут уснула.

Глыба лежала на каком-то странном спиральном возвышении, от которого расходились семнадцать дорог во все стороны. Тропы менялись тем больше, чем дальше уходили от булыжника, превращаясь во влажные топкие и каменные

дорожки, ныряли в степи и пещеры, в леса и реки. Семнадцать Лун и Солнц восходили над ними, границы, словно подернутые дымкой, искажали истинный вид миров. Вдруг всё изменилось. Со всех сторон к камню стали стекаться темные ручьи боли и страха, Тропы начали таять одна за другой, а миры гаснуть. Их место занимала круговерть энергии и мертвая пустыня.

Дернувшись, я огляделась: всё так же неизменно, ничего не прояснилось. Отчаяние захлестнуло меня с новой силой. Пусть и недолгий, но тяжелый путь, пустая надежда, незнание, куда идти. Кому-то во сне является истина, кому-то – бред уставшего мозга. И тут я дала волю чувствам. Я рыдала и орала, била камень руками, прося вернуть ее, умоляя указать путь. До костей сбитые кулаки оросили шар багрянцем, но что взять с булыжника. В безумии я бросилась на него всем телом – и меня поглотила тьма.

У меня больше не было органов чувств, лишь боль разрассталась в несуществующей груди ядерным грибом и выливалась наружу, сжигая уже несуществующую меня. Боль, боль, боль. Страх, боль, отчаяние, боль, ужас, снова боль – я сама стала ими. Это жертва во имя того, чего я не увижу и чего, возможно, нет и не будет. Отсюда нет возврата.

На Лунном холме сидели, обнявшись, Келми и Дерир. Молодая луна серебрила густые гривы волос и ленты, вплетенные в них. Пара сидела тихо, что-то мурча друг другу периодически. В лесу за холмом взвыли волки, призывая дру-

гие стаи к гулянкам. Старый Каи, шестисотлетний шаман, обернулся черным вороном и взмыл вверх с балкона своего дома, направляясь в гости к вождю Воронов. Имена племен были только формальностью, Мир – единым, а оборотни-перевертыши, хранители границ и Троп, лишь избрали любимые облики и образ жизни. Они были по-настоящему свободны и счастливы.

На задворках города со старым парком, на пустыре, где уже несколько десятилетий ничего не росло и не строилось, зашевелилась земля. Мои пальцы ощутили воздух, и я рванула вверх всем телом, вдохнула кислород прохладной ночи и выкарабкалась из тьмы наружу. Упав на спину, я смотрела на звездное небо и пыталась восстановить в памяти, что же было там, до этого, но мое сознание подбрасывало лишь воспоминания о боли, унижении, страхе, о ее волосах и губах. Я точно знала, что ей понравится то, что я хотела осуществить, ведь она волчица. С улыбкой я поднялась и встряхнулась от земли. Мелкие камешки и грязь разлетелись веером со спутанных волос и истлевшей одежды. Интересно, сколько прошло времени?

Мой тонкий слух уловил движение, и покрасневшими воспаленными глазами я уставилась в зыбкую темноту ночи. Двое, парень и девушка, слегка во хмелю – просто отлично. Прокравшись бесшумными шагами по пустырю, я увидела узкую улицу и ту самую пару, удаляющуюся от меня. Ну ничего, две сотни метров, и возмездие настигнет их. Какое пра-

во они имеют на счастье, когда у меня его нет, когда мне было так больно! Ярость всклокотала в груди, вырвавшись глухим рыком, и я бросилась к обернувшимся в испуге людям. Он пытался прикрыть ее, дать возможность уйти, но сломался быстро, как деревянная щепка, выставив наружу желтоватые кости, обагранные его же кровью. А она убежала. «Сучка, бросила того, кто пытался ее спасти!» – мелькнуло в моей голове, вызвав еще больший приступ ненависти.

Эту тварь я настигла уже на ярко освещенном и широком проспекте, одним движением сломав ей шею. Несколько удивленных и испуганных прохожих побежали в разные стороны, а один продолжил снимать всё на телефон. Я загнала его смарт ему в глотку до самого желудка, после чего разорвала грудную клетку и вырвала сочное молодое сердце – я так давно не ела!

Насладившись деликатесом и скрывшись дворами от звуков сирен, предвещавших проблемы, я двинулась дальше, в сторону парка – по дороге мне точно попадутся эти твари. И они попались. Разбитые окна, опустошенные квартиры и целые дома, трупы, устлавшие мой путь – видит Луна, они заслужили это своей легкой и простой жизнью.

Боль и ярость не утихали, а рассвет был уже близко. Хотя и он не был помехой, если бы не поднятые в ружье все полицейские города. «Ничего, вернуться я всегда успею», – подумала я и припустила к парку, уже не отвлекаясь на «счастливых». В последний раз не повезло какому-то слугите-

лю порядка, оказавшемся на моем пути перед переходом. Вместе с ним я и нырнула в мой мир, проломив гадёнышу грудь. Оказавшись уже у себя в мире, я обгрызла лицо жертве и, взяв ее за ногу, двинулась с добычей к своим. Знакомые пейзажи открывались передо мной, но почему-то чем дальше я шла, тем сильнее билось сердце и стремительнее росла ярость в груди.

Не успела я подойти к Лунному Холму, а навстречу уже бежали несколько десятков волков, обернувшихся людьми за сотню метров до меня. В первом ряду стоял Каи, за его спиной – Дерир и...

– Келми... – прошептала я и отпустила свою добычу. – Келми! – я бросилась к ней навстречу, но стая оцетинилась оружием, и мне пришлось остановиться.

– Стой! – Каи сделал шаг навстречу. – Какого ты племени и почему нарушила Закон?

– Закон? – я расхохоталась. – Закон писан для смертных, но мы оборотни и должны жить по правилам крови!

– Ты знаешь, что мы не убиваем. Зачем ты сделала это, если понимаешь, какое следует наказание? – Каи говорил отстраненно и напряженно – скорее всего, давненько не пробовал плоти и с трудом сдерживал себя. Ничего, мы еще отмстим смертным.

– Затем, что в то время, как я страдала ради объединения миров, ради воскрешения Келми, они жировали. Это ведь они убили ее, какое право они имеют на счастье?

По стае прокатился шепот, а моя любимая вздрогнула и нахмурилась.

– О чем ты говоришь? Мир всегда был един, а Келми – вот она, живая, – Каи говорил уже очень мягко, но немного удивленно. – Сдайся с миром, сестра, и мы попробуем тебе помочь. Убийства не выход.

Я засмеялась. «Старый дурак. Они ничего не помнят, они презирают меня, но ведь именно я спасла мою Келми, я сделала мир единым. Твари, они все умрут!» Ярость вновь захлестнула мой разум, и я бросилась вперед.

Первые раны были неощутимы, но куда клыкам и когтям тягаться против каленой стали в руках своих же братьев. Я ранила их, но они убивали меня. Бой был недолог, и я пала. Я тянула руки к ней, моей Келми, и звала ее. Любимая приблизилась ко мне: нахмуренные брови, в руках острый клинок – она была прекрасна.

– Келми, любимая, сестра, – улыбнулась я и закашлялась кровью. – Ты помнишь? Хоть ты? Всю боль я взяла себе только ради тебя, любимая.

Келми покачала головой:

– Я не знаю тебя.

Холодный клинок с костяным хрустом пронзил мое черное безумное сердце. Вся боль, всё горе и предательство любимой излились наружу и потекли, полетели вперед, к центру миров. Тропы у камня стали таять одна за одной, а миры гаснуть.

Тропы. Сумеречный свет

Сильный ветер развевал волосы девушки, рвал подол тонкого платья, обнажая бедра, толкал вниз с края скалы. Она стояла спиной к бездне и лицом ко мне, улыбалась. Вдруг она шагнула назад, раскинув руки, и ветер подтолкнул ее, роняя в темноту под уступом. Я подошел ближе к краю, наблюдая, как хрупкая фигурка падает вниз, переворачиваясь лицом к стремительно приближающейся земле. Распахнулись мощные перепончатые крылья, и существо – уже не девушка – скользнуло прямо над землей и в два сильных взмаха крыльев набрало высоту, уносясь вдаль, к чернеющим на фоне догорающего заката горам. Миа любила уходить именно так, маленькая стервочка.

Я не спеша развернулся и начал спускаться. Лететь было откровенно лень, тем более что крылья даны каждому в нашем клане, и за день патрулирования Тропы нарезаешь столько кругов, что они просто отваливаются, а ноги, кажется, скоро атрофируются за ненадобностью. Преимущества летучих мышей были полностью в нашем распоряжении, но при этом великолепное ночное зрение добавляло удобств сумеречной жизни. Жаль, что я работаю днем.

С утра, сопя и покряхтывая, я спустился по пологой части склона и двинулся в сторону домов. Вполне человеческие постройки с удобными кроватями давно заменили нам

высокие горизонтальные перекладыны для сна. Да и большую часть времени Летучие предпочитают человеческий облик.

– Эй, кровосос! – раздалось из двора ближайшего дома, и я, поморщившись, оглянулся. Иан сидел на скамейке с сигаретой в зубах, рядом лежала гитара.

– Сам кровосос, – огрызнулся я и подошел к другу.

Вообще-то это было оскорблением, так как Летучие были вегетарианцами и избегали употребления мяса и крови людей и животных. Именно из-за худших и самых жестоких представителей нашего вида и пошли среди людей легенды о вампирах. Впрочем, остальным повезло не меньше: любой из жителей Троп избегал потребления мяса, так как оно действовало как наркотик. Наша изоляция от человеческого мира помогала избегать досадных срывов, ведь все легенды про монстров пошли именно от нас.

– Завтра в патруль? – спросил Иан.

– Угу, – грустно кивнул я.

– Когда ж у тебя выходные-то будут? Слетали бы на Озера.

– Слетали, ага, – скривился я. – Крыльев не чувствую и спать охота. Миа вон тоже любитель полетать, а я всё никак.

– Как у вас, кстати? – Иан заглянул мне в глаза. Я сел на скамейку и откинулся на спинку.

– Да так же. Ни да ни нет. А я уже пять раз предложение делал.

– Не хочет замуж или не хочет замуж за стража? – осторожно спросил Иан.

– Черт знает, не говорит. Хихикает и переводит разговор на другую тему, – я закрыл глаза. Пообщаться вроде хотелось, но усталость сковывала.

– Иди спать, – буркнул Иан и ткнул меня кулаком в плечо. – И поменяй уже смены, ну сколько можно-то?

– Ай, – отмахнулся я, с трудом поднялся и пошел к дому. – Классной ночи.

– И тебе... отоспаться, – хмыкнул за спиной друг. Когда я добрал до дома, раздалось брэнчание гитары, Иан что-то запел. Разбирать слова сил уже не было, я повалился на постель и уснул.

Утреннее солнце осветило лучом лицо, и я, недовольно поворчав, открыл глаза. Долго и без мыслей смотрел в потолок. Наконец, поднявшись, отправился приводить себя в порядок. Раздражало всё: и свет, и работа, и неопределенность Миа, и один и тот же маршрут почти каждый день.

– А пошло оно! – сказал я своему отражению в зеркале и решительно вышел из дома. Мой путь лежал к главе клана.

– Здравствуй, Крей, – улыбнулся мне Доро, старший из Летучих. Он не считал нужным принимать облик человека последние пятьдесят лет и выглядел как Носферату из фильмов ужасов. – Чего не в патруле?

– Отпуск хочу. Задолбался, – ответил я и потер лицо. –

Совсем выжатый.

– Без проблем, давно пора, – ответил Доро. – Гуляй.

– Спасибо, – выдохнул я и, пожав ему руку, вышел на улицу.

Уснуть я уже не смогу, прогуляться, что ли, до портала? Далеко, но летать вообще не хочется.

Тропа провела меня полями и лесами к выходу. Около портала скучали два стражника, Сит и Аен. Ребята, как всегда, дружески переругивались, чтоб скоротать бесконечное дежурство. Увидев меня, они оживились:

– О, а вот и Крей! – радостно, но устало воскликнул Аен. – Чего не в патруле?

– В отпуске, – я довольно улыбнулся в ответ и пожал парням руки. – Дай, думаю, дойду до выхода, может, снаружи прогуляюсь.

– А что там ловить? – спросил Сит. – Мусор, грязь... Люди!

– Расист, – усмехнулся я, и парни загоготали. – Да давно не был снаружи, лет двадцать точно.

– Там только хуже стало, – отмахнулся Сит, а Аен закивал.

– Да идите вы, – огрызнулся я. – Достало, блин, тут порхать.

– Давай иди уже, фея, блин, – засмеялся Аен. – К соседям зарули.

Я отмахнулся и шагнул в портал. Выжженный на груди знак кольнул и завибрировал, отвык я уже от этих ощу-

щений. Символ выжигался клеймом каждому рожденному на Тропах сразу после перерезания пуповины. Он позволял свободно передвигаться между мирами в обе стороны и обеспечивал гарантированное попадание на Тропу Мертвых, где бы ты ни был в момент гибели. Смерть от старости грозила всем обитателям троп, правда, наступала эта старость примерно после тысячи лет, а вот умереть в мире людей было куда проще. В теории и на Тропах можно было погибнуть, но таких случаев не помнили даже старожилы.

Человеческий мир встретил меня сыростью и холодом осени. Туман клубился в парке, обвивая деревья и редкие фонари. По дорожке шел одинокий алкаш, пошатываясь из стороны в сторону, и вонял перегаром на весь парк. Я затаился в кустах, пропуская его. Здесь уже был закат, и мне хотелось дожидаться темноты.

Сзади зашуршало, и я, оглянувшись, увидел Миа. Она вышла из портала и радостно кинулась мне на шею.

– Ты что тут делаешь? – удивился я, чувствуя тепло ее хрупкого тела сквозь тонкое платье.

– За тобой пошла! – улыбнулась она. – Погуляем?

Я ошарашенно кивнул. Не думал, что она пойдет со мной и тем более в мир людей. Раньше вытащить ее на свидание было просто нереально, приходилось днями уламывать.

Мы вышли из зарослей и под ручку зашагали по дорожке. Рядом с порталами знак на груди мягко пульсировал, а в голове возникали образы кланов Тропы. Удобное свой-

ство. Вскоре парк кончился, и мы прошли по тихим улицам городка. Я шел, не думая, мне было хорошо с ней, а Миа вела меня куда-то, легко и беззаботно. Когда же закончились дома и перед нами раскинулась промзона, она остановилась, повернулась ко мне и, глядя в глаза, спросила:

– Ты любишь меня?

– Да, – ошалело ответил я, уставившись на нее. Что это случилось с неприступной девушкой?

– Ты примешь меня люблю? – снова спросила она, и ее глаза подернулись тревогой и печалью.

– Конечно! – ответил я, всё еще не понимая, к чему она ведет.

– Тогда иди за мной и не сомневайся ни в чем. Верь мне, – прошептала она и потупила взгляд. – Если ты откажешься, мы никогда не будем вместе, а я останусь тут навсегда.

– Я верю, – ответил я. Не знаю, что происходило, но бие-ние моего сердца участилось. – За тобой я пойду до конца.

Миа подняла на меня глаза, и в их глубине что-то хищно блеснуло:

– Тогда идем, – она взяла меня за руку и потащила вглубь промзоны. Я шел следом, плохо понимая, чего она хочет, но за нее я был готов убивать.

Из какого-то недостроя раздавались голоса, и Миа направилась туда. Она остановилась перед зданием и взглянула на меня:

– Повторяй всё за мной. Я верю тебе. И люблю тебя.

С этими словами она нырнула внутрь здания, а я стоял как дурак пришибленный. Любит? Она любит? Она меня любит!!! Я поспешил за ней, улыбаясь, как блаженный.

Миа стояла совсем недалеко от какого-то прохода, откуда раздавались голоса людей. Взглянула на меня снова и начала меняться, после чего, уже обретя нечеловеческий вид, кивнула мне. «Повторяй за мной» – пронеслось в голове. Нехорошее предчувствие было сметено эмоциями от признания любимой, и я тоже обратился. Миа кивнула и шагнула в комнату. На секунду повисла тишина, сменившаяся воплем, и я поспешил следом. Открывшаяся картина заставила меня застыть на месте, а ужас липкой волной поднялся по позвоночнику. Моя любовь пожирала девушку, впившись ей в горло, а на полу корчился и стонал парень, держась за рану в животе. Одурающий запах крови проник мне в нос, и в глубине души шевельнулось древнее и тщательно убиваемое чувство животного голода. Миа оторвалась от девушки и прорычала:

– Ешь! Сожри его, если хочешь быть со мной!

Секунду поколебавшись, я приблизился к парню. Человек скулил, разум подсказывал мне, что не стоит этого делать, но всё сопротивление сметали слова любимой и... голод. Я сам не заметил, как вцепился зубами в горло парня, в голове что-то щелкнуло, и я, уже не думая, наслаждался его плотью и кровью.

Когда туман в голове развеялся, я отпрянул от тела. Миа смотрела на меня с улыбкой:

– Не бойся, всё хорошо. Теперь мы будем вместе, и это станет нашей маленькой тайной, – она подошла ко мне, провела когтистой рукой по груди, трепыхнулись крылья. – Возьми меня прямо здесь. Я твоя.

Туман снова затянул мои мысли, и я, поддавшись какой-то звериной страсти, сжал тело Миа и прижался губами к ее окровавленному рту.

– Я боялась, – говорила она, сидя на крыше недостроя, куда мы потом поднялись. – Я давно сорвалась, совершенно случайно. И я любила тебя, но не знала, как ты примешь меня такую.

Я молча гладил ее по волосам. Убийство и поедание плоти каралось изгнанием или смертью, это было самое позорное из преступлений на Тропах. И я теперь понимал почему. Звериная часть сущности жителей Троп была слишком сильна, слишком манило желание убивать, и стоило раз попробовать, чтоб уже никогда не стать прежним. Чувства вины, впрочем, я не испытывал. Я был с любимой, я был настоящим.

– Мы должны молчать об этом, – говорила Миа, прижимаясь по мне. – Или нам конец.

– Я понимаю, любимая, – я прижал ее к себе, обняв хрупкие плечи. – Я готов идти с тобой до конца.

Мы вернулись через день, наполненные друг другом

и плотью еще троих человек. Мы целовались и обнимались, летали над ночным миром нашей Тропы вместе, а друзья удивлялись и радовались за нас, постоянно спрашивая, что же такое случилось, но мы лишь хихикали и уходили от ответов.

Каждую неделю мы ходили в мир людей, и чем дальше, тем больше хотелось тут остаться. Голод приходил каждый день, но слишком частые отлучки насторожили бы всех, хотя мы и так постоянно покидали Тропу.

В этот раз всё было, как и всегда. Мы выбрались из портала и, уже особо не скрываясь, обратились и взмыли вверх. Мелькнул огнями город, и под нами раскинулись предместья, леса, небольшие озера и поля. Миа стала снижаться, и я присоединился к ней. Земли коснулись мы уже в человеческом облике. Это была окраина полупустой деревни вдали от основных дорог и городов. Любимая прижалась ко мне и тихо спросила:

– Может, останемся тут навсегда? Нас никогда не найдут.

– В этой деревне? – удивился я. – Что тебе здесь так понравилось?

– В этом мире, дурачок! – засмеялась Миа. – Мы улетим далеко от порталов и будем жить в заброшенных домах. Станем питаться плотью, сколько захотим, и никто нам не помешает.

– Если этого хочешь ты, то я хочу того же, – отозвался я и поцеловал ее.

Мы заняли более или менее крепкий дом с уютным чердаком, на котором сохранилось много сена, и весь день провалялись там. К ночи мы снова были в пути, все дальше от парка, все дальше от наших миров.

Жизнь превратилась в бесконечный праздник: любимая женщина, идеальная еда, постоянная эйфория. Дни шли за днями, недели за неделями, землю людей укрыл снег, затем растаял, и наступила весна. С течением времени меня перестало радовать солнце, а после начало обжигать, причиняя боль. У Миа это началось раньше, и она объяснила, что это нормально – побочное явление возвращения к истокам. Теперь нашими были только ночи, но мне это нравилось.

Бесконечная круговерть крови, смерти и страданий людей затягивала. С каким удовольствием я ломал их слабые тела, разрывал горла и наслаждался, выпивая их жизни, выгрызая их органы. Часто жертвы были еще живы, когда я поедал изнутри, они стонали, но это было прекрасно. Но всё кончилось однажды в теплый весенний день – нас нашли.

Я слышал сквозь сон шорохи крыльев и проснулся, когда в наше убежище в подвале старого дома вошли они – пятеро стражей Троп. Среди них был и Иан. Во взглядах больше не было мира и дружбы, а нам некуда было бежать, ведь солнце стало нашим врагом. Мы бились до последнего, отражали удары тяжелых мечей, оставляющих на наших телах глубокие незаживающие раны, а потом оружие стража с хрустом пронзило грудь Миа. Я видел, как оседает ее тело, как

начинает обугливаться плоть, как боль застывает в ее глазах. Бросившись к ней, я упал на колени, пытался взять ее на руки, но тело рассыпалось в пепел, просочившийся сквозь мои пальцы. И я закричал. Стражи не трогали меня, но и не убивали мечи. Я рыдал над горстью пепла, и кровавые слезы ручьями текли по лицу.

– Крей, – позвал меня Иан, и я обернулся к нему, ожидая удара. Но друг стоял, не двигаясь и глядя на меня с болью. – Крей, идем. Нам пора назад.

Я искал в своем сердце ярость, но ее там не было. Пустыня боли поглотила все.

– Убей же меня, друг, – провыл я и пополз к нему на коленях, склонив голову. – Убей быстрее, молю!

– Ты не должен умирать, – голос Иана звучал ровно и тихо. – Ты должен пойти с нами. Ты все поймешь.

Я поднялся на ноги и взглянул в их лица, напряженно-жалостливые лица братьев по Клану. Невозможно было понять, кто из них самый слабый, самый нервный – в стражи не берут слабаков. И я решился: рванулся, оскалившись на Иана, и выпустил когти и клыки в надежде, что он убьет меня. Иан размахнулся и ударил. Наступила тьма.

Головная боль была невыносимой. Я пошевелился и с трудом разлепил глаза. Тут же нахлынули воспоминания, и я подскочил, оглядываясь: мой дом, я на кровати, рядом стоит Иан. Боль сжала сердце – Миа...

– Доброе утро, друг. Собирайся, Доро ждет.

– Зачем? – я мрачно взглянул на стража.

– Узнаешь, – ответил он и, как мне показалось, улыбнулся.

Абы как умывшись, я вышел следом за другом наружу.

Теплая, вечно летняя ночь Тропы окутала меня. Было пусто, где-то вдали пели песню, над головой пару раз пролетел кто-то из жителей. В отупении я брел с Ианом в дом главы. Я ожидал суда старейшин, но Доро был один. Он принял образ человека, правда не до конца, и попивал чай из старой щербатой кружки, держа ее сухой рукой с острыми и кривыми когтями.

– Садитесь, – сказал он и кивнул на диван.

Мы сели, и я уставился в пол. Почему они меня еще не убили?

– Крей, я должен кое-что тебе рассказать, – главный сделал паузу, я сидел так же молча, – о Миа.

Я дернулся от звука любимого имени, но голову не поднял.

– Мы давно ее подозревали. Она была слишком... не знаю, ненормальной, что ли, – Доро отхлебнул чай и крякнул. – Ты слишком любил ее, и мы решили, что, возможно, всё дело в этом, но мы ошиблись. Помнишь Рейга? Конечно, помнишь. Так вот, Рейг сделал с ней то же, что и она с тобой, но ушел один. Мы нашли его с неделю назад. А Миа любила его до сих пор и полностью ушла в запретные сферы.

– Она любила меня! – крикнул я. – Она сама призналась!

Зачем тогда она звала меня с собой?!

– Ты был агнцем, – ответил Доро и взглянул на меня. – Она хотела откормить тебя, чтоб потом вместе с Рейгом испробовать твоей плоти и крови. Ты не знаешь этого, но если житель Тропы, презрев закон и потребляя плоть людей, обретет полную силу второй ипостаси, то ему останется только сожрать другого такого же, чтоб выйти за пределы власти Троп. Для него не будет преград, не будет старости, не будет смерти. Все Тропы откроются для него, и Тропа мертвых тоже. Это может быть только один из нас всех, но он обретет власть бога.

– И чем это плохо? – спросил я. – Он же сможет вернуть всех убитых и умерших?

Доро грустно взглянул на меня и вздохнул:

– Ты помнишь свои ощущения, когда питался?

Я кивнул.

– Так вот, – продолжил Доро, – если бы ты отведал плоти брата, то не стал бы добрым богом. Ты вечно бы жаждал крови и обратил миры в руины.

Я посмотрел в глаза старейшины:

– Это правда? Это правда, что она не любила меня?

– Правда, – выдохнул Доро и закрыл глаза. – Рейг следовал за вами, и они встречались. Так мы и вышли на вас, следуя за Миа по пятам. Смирись, Крей.

Я встал и, пошатываясь, вышел из дома главы. Остановился снаружи у входа и поднял голову: звезды светили холод-

ным светом, равнодушно и бесстрастно взирая на нас.

– Меня сожжет солнце? – спросил я бесшумно подошедшего Иана.

– Нет, ты очистился слезами. И, надеюсь, не сделаешь глупость, – ответил друг и положил руку мне на плечо. Я молча кивнул и пошел прочь.

Прошло уже полгода, я вернулся к работе, без выходных патрулируя тропы, пытаюсь забыть ее глаза и предательство. Жизнь налаживалась, но внутри меня простиралась всё та же мертвая пустыня. Мне предоставили все доказательства того, что Миа крутила мной как хотела, и я принял это. Но все чаще в голову закрадывалась мысль о власти, равной богу.

Сегодня после смены я сидел на том самом обрыве, свесив ноги вниз. За спиной раздались шаги, и рядом со мной присела Эйди, очень милая девушка, давно строящая мне глазки.

– Привет, – улыбнулась она. – Устал?

– Привет, – я улыбнулся ей в ответ. – Немного.

– Может, погуляем на днях? – спросила она и густо покраснела.

– Давай в мир людей? – спросил я. Эйди удивленно и радостно кивнула, а в глубине моих глаз мелькнуло нечто, что я так старательно прятал все это время.

Запах

Вначале появился запах. В коридоре едва уловимо тянуло трупной вонью, и я списал это на завалившийся куда-то мусор из пакета, который часто ставил у двери, чтоб потом вынести и не забыть. Обшарив и отмыв все закоулки и ничего не найдя, я решил, что, может, что-то испортилось в шкафу, стоящем в коридоре. Обычно там лежали обувь и одежда не по сезону, но иногда туда же я ставил пакет с луком, когда его некуда было деть на кухне. Сгнивший лук тоже воняет о-го-го. Обыск шкафа показал, что и эта версия оказалась ложной.

– Ну всё, – подумал я. – Видать, мышь сдохла под полом.

Полы в моем доме были старыми, деревянными, покрытыми обычным недорогим линолеумом, но перспектива вскрывать их меня совсем не радовала. Запах тем временем усиливался день ото дня.

Примерно через неделю с момента появления вони я решил: сдвинул шкаф, содрал плинтус и линолеум и принялся снимать доски. Дело оказалось весьма трудным, и только через два дня я снял весь пол в коридоре. Кроме пыли, там ничего не было. Выругавшись, я стал собирать всё обратно. Ломать не строить, поэтому восстановительные работы затянулись на неделю. Запах же становился всё сильнее и невыносимее, причем ощущался только в коридоре и нигде боль-

ше.

Примерно через месяц с момента появления вони, когда было обследовано всё вплоть до розеток и выключателей, я решился переклеить обои, надеясь на это, как на самый последний вариант. И вот, стоя на стремянке под потолком, я понял, что запах усиливается в районе люстры. Проверил – так и есть. Я незамедлительно снял люстру, разобрал патрон для лампочки, потрогал пальцем место крепления светильника к потолку около крюка. Там ничего не было, просто рядом воняло в воздухе.

Я слез с лестницы и, не повесив люстру на место, пошел на кухню, сел и задумался. Источник вони казался каким-то нереальным, но он совершенно точно был. Причем запах ощущал не только я, но и все проходящие гости, так что списать его на обонятельный глюк не вышло. В результате я плюнул и смирился.

Примерно через месяц после неудачной поклейки обоев, проходя мимо шкафа в коридоре, я заметил в полированной поверхности мутное отражение продолговатого предмета под люстрой. Он напоминал серый кокон. Стоит ли говорить, что ничего подобного в реальности не было. Я немного занервничал и списал это на галлюцинацию и мутную дверцу шкафа. Каково же было мое удивление, когда оказалось, что отражение ведет себя как настоящее – меняется в зависимости от точки зрения. Аномальное место я стал обходить по стеночке. А что еще оставалось?

Каждый день я наблюдал за предметом в дверце и каждый день отслеживал еле заметные изменения. Он словно приобрел форму: прорисовывались руки и ноги, странно повернутая голова... В отражении шкафа постепенно проступил образ висельника.

Отвлекусь на минутку, чтобы уточнить, что в этой квартире совершенно точно никто не вешался. Не было висельников и по соседству, так как дом являлся ведомственным и мой отец получил тут квартиру сразу после постройки. Все квартиры были заселены работниками МВД и их семьями.

Поняв, что именно вижу в отражении, я надел тапки и пошел к соседу – подполковнику полиции в отставке. Бравый полицейский открыл мне дверь и, ничуть не смущаясь того, что из одежды на нем были только семейные трусы и тапки, а на роскошных седых усах остатки борща, сказал:

– Ну привет, Сашка, зачем пожаловал?

Я помялся на пороге:

– Здравствуйте, Михалвасилич. Я того... Можете ко мне зайти на пару минут?

Подполковник исподтишка кинул взгляд через плечо и прошептал:

– Сейчас, Катерину Семеновну спрошу. Она сегодня вечер воспоминаний устраивает, – с этими словами он повернулся и зашел в квартиру, не прикрыв дверь. – Катеринсеменна, Александр пожаловал, нужно помочь парню, я отойду? Нельзя же человека в беде бросать! – пробасил полицей-

ский, углубляясь в комнаты.

– Ой, а что случилось? – раздался тонкий голос его жены и, обогнув подполковника, в коридор выпорхнула Катерина Семеновна собственной персоной.

Дама она была колоритная: ростом около метра шестидесяти и примерно ста килограммов веса. Муж боялся ее до дрожи в коленях, но обожал и превозносил, как богиню. Она была доброй и хозяйственной, обожала детей и животных, но почему-то перед ней тряслись все. Впрочем, у генерала дома начальник – генеральша, так и тут, видать, было.

– Здравστε, – пробормотал я. – Там немного помочь... по дому, – я запнулся, идей не было, а соседка смотрела хоть и взволнованно, но испытующе. – Мужской совет нужен, – выпалил я, внезапно озаренный. – По поводу проводки и фазы.

Лицо Катерины Семеновны расслабилось.

– А, ну хорошо. Ничего в этом не понимаю, – она улыбнулась и, пропустив вышедшего из комнат подполковника, уже одетого в спортивный костюм, удалилась на кухню.

Мы прошли ко мне, и я остановился в коридоре.

– Ну вот, собственно, – промямлил я, топчась около шкафа и указывая на него кивком головы.

Было страшно, что Михаил Васильевич ничего не увидит, а я просто сумасшедший.

– Твою мать, – сказал подполковник и вытаращился на отражение. – У тебя водка есть?

– Есть... На кухне, – промямлил я.

Что он собирается с ней делать? Как оказалось, водка была для нас. Я разлил ее по стопочкам, и мы выпили не чокаясь.

– Дела, сынок, – проговорил подполковник. – Я такого раньше и не видел, только слышал всякое разное. Или мы с тобой вдвоем с ума сошли, или это чертовщина какая-то. Ты бы съехал отсюда, а то, знаешь, я в работе странных случаев много повидал, мало ли что.

– Как съехать? – ошалел я. – Может, попа позвать или бабку какую?

– Вот точно нет, – рубанул подполковник. – Я этого шарлатанья насмотрелся, только деньги вытянут.

Он замолчал. Мы посидели с полчаса, выпили почти всю бутылку, и сосед ликвидировался домой, напоследок пробормотав:

– Ты об этом лучше никому не говори и не показывай. Шкаф выкинь, сам съезжай, а квартиру сдай кому-нибудь.

Я кивнул, закрыл дверь и задумался. Если переживу ночь, то завтра точно выкину шкаф, а там посмотрим. Утро началось с головной боли и вони трупa. Вчерашнее решение не казалось таким уж безумным, и учитывая, что была суббота и идти на работу было не нужно, я принялся за дело. Стараясь не смотреть на отражение, разобрал шкаф и вынес его на помойку. Запах остался, и я, вздохнув, полез в интернет искать съемную квартиру, благо зарплата позволяла. Квар-

тира нашлась быстро, не очень большая и простенькая, зато с хорошей хозяйкой и без вони. Свою я закрыл пока что – сдать этот морг вряд ли получилось бы.

Первые месяцы прошли гладко, всё было как всегда, жизнь шла своим чередом. В свою квартиру я наведывался примерно раз в неделю и ощущал тот же запах – видимо, труп никуда не делся. Я вздыхал, закрывал дверь и уходил. Месяца через четыре после того, как я съехал, мне среди ночи позвонил сосед и сказал, чтобы я срочно приезжал, так как с квартирой какие-то проблемы. Я сорвался в тот же миг, ожидая ужасов, но то, что меня встретило, вызвало просто панику. Дверь в квартиру была открыта, на площадке топтались соседи, полиция и врачи, которые выносили из моего дома человека на носилках. Другой человек сидел в углу под пристальным взглядом двух полицейских и, рыдая, бился головой о стену.

– Заходи, Саш, – раздался голос за спиной, и я увидел выглянувшего из-за соседней двери подполковника.

Я вошел к нему и спросил с ходу:

– Что случилось? Здравствуйте.

– Привет, привет, – ответил он, поглядывая мне за плечо в подъезд. – Это я вызвал полицию. Пошли на кухню, расскажу.

Он прикрыл входную дверь и прошествовал вглубь квартиры. Грузно усевшись на табуретку, Михаил Васильевич

посмотрел на меня и начал рассказ:

– Спал я сегодня плохо. Вышел на кухню попить и слышу вопль. Ну я к глазку прильнул – пусто на площадке. А там орут что-то, и вроде как из-за стены, где твоя хатка-то. Я в подъезд – дверь твоя приоткрыта, и крики из-за нее. Ну я сразу вызвал наряд, в момент приехали-то, как к своим. Вломились, а там эти двое – грабители, видно. Отмычки при них, фонарики, морды протокольные. Один без сознания со следами удушения на горле, а второй сидит в углу и воет. Выволокли его, а он и тут воет сидит, про мертвеца говорит, – с этими словами он взглянул на меня и снова отвел глаза. – Ты это, показания там дай, квартиру закрой. Смотри только, скорее всего, они что-то не поделили, вот и подрались, а этот, воющий, под дурачка закосил. Всё понял? – он твердо взглянул мне в глаза, и я кивнул.

Куда уж понятнее, не про висельника же рассказывать.

Недели две меня таскали по допросам и опознаниям, вымотали вкрай, и как-то в запарке я не заметил, что на работе творится что-то не то. Когда закончились проблемы с грабителями и полицией, я вдруг обнаружил, что фирма, где я много лет трудился, приходит в упадок. Как-то резко снизились доходы и перестали выплачиваться зарплаты, куда-то пропал хозяин, а еще месяца через полтора мы закрылись. Я спешно искал работу, деньги таяли, съемная квартира стала непозволительной роскошью, и я с тревогой переехал обрат-

но к себе.

Время шло. Ужасы домашние и мистические затмили ужасы обычные. Новая работа не находилась, друзья давно растворились в туманной дали, денег не просто не хватало, их не было вообще. Я начал пить. Пил и плевал, что долг по квартплате растёт. Плевал, что по ночам слышу шаги. Не мылся уже несколько недель, не просыхал, продавал имущество. Меня всё это сломало ко всем чертям. И однажды, недопив последнюю бутылку, я понял, почему появился этот запах и труп. Я встал и, шатаясь, побрел к кладовке, достал старую бельевую веревку, еще советскую, прочную и толстую, снял в коридоре люстру с крюка и накинул на него петлю. Мне всё стало предельно ясно: это я висел в отражении. Табуретка, удушье, боль и темнота. Я ушел, сдался.

Боль в горле была неприятной, тяжело глотать, во рту сухо. Черт. Я пошуршал сухим языком по нёбу, вдохнул, закашлялся и тут же всё вспомнил. Открыл глаза: рядом со мной стоял весьма несвежий труп. Мужчина с синеватым лицом, в трупных пятнах. На шее четко прорисовывался черный след веревки, глаза были мутными и мертвыми. Моя петля лежала рядом, а труп смотрел на меня с сожалением. Он попытался что-то сказать, но из сломанной гортани вырвался лишь сухой, как труха, шорох.

– Ты меня спас, что ль? – просипел я и снова закашлялся.

Труп растянул губы в кривой улыбке, кивнул и что-то прощуршал мне в ответ. Я не боялся. Встал, прошел мимо него в ванную, умылся и напился воды. Пару раз меня стошнило ей же, но часть всё же попала внутрь. Труп стоял на том же месте и смотрел на меня. Я взглянул на него, прошел на кухню и спросил оттуда:

– Водку будешь? Тут на дне осталось.

Шлепающие шаги раздались в ответ, и мертвец зашел в кухню. Он сел неловко на табуретку, принял от меня стопку и с трудом выпил.

– Ну что, брат? Как мы до такого дошли-то? – спросил я мертвеца, тот только вздохнул в ответ.

Прошло еще полгода. На улице цвела весна. Брат, как я звал мертвеца, жил со мной, а у меня дела внезапно пошли в гору. На следующий день после моего неудачного повешения мне на карту упала приличная сумма от бывшего начальника: как оказалось, его пытались кинуть, устроили развал бизнеса, но он каким-то чудом выкарабкался и как честный человек раздал всем долги, а потом снова открыл фирму, которая быстро набрала обороты и стала процветать. Потом мне свалилось на голову наследство от какой-то многожуродной тетушки – я о ней и не слышал никогда, в виде отличной трешки почти в центре Москвы и нескромной дачи в Подмосковье.

В личной жизни тоже всё пошло на лад, но домой я жен-

щин не вожу – брата испугаются или, что хуже, обидят его. Мы сидим с ним вечерами на кухне, пьем пиво или чай, я рассказываю ему о радостях и бедах, а он улыбается в ответ или похлопывает по плечу. Я не знаю, кто он и откуда взялся, почему именно у меня, но я рад, что теперь у меня есть лучший друг, пусть и немного пахучий.

Лестница

Лестница уходит вглубь, в черноту, куда-то, где нет ничего... или есть всё. Я спускаюсь. Очень медленно, глядя в зияющий чернотой провал, на уходящие во тьму ступени. Тут есть этажи, как в подъезде самого обыкновенного дома. Первый – вход, тут горит свет, есть звуки. Второй – там тоже лампы, дверь в помещение. Свет есть и на третьем этаже, но более тусклый, и на четвертом, но уже совсем бледный. Все это видно в провале между лестницами. Я могу разглядеть смутные ступени до пятого или шестого этажа, а дальше – тьма.

Я никогда не спускалась ниже третьего этажа. Почему? На втором этаже открыта дверь, и за ней стоят фигуры. Обычные манекены в одеждах семнадцатого и восемнадцатого века: платья, парики, камзолы, треуголки, роскошные ткани. Очень красивые, как в музее, но мимо них нельзя пройти. Они оживают и тянут руки, стоит только ступить на площадку второго этажа. Я знаю, они порвут в клочья того, кто не успеет. Они будут отщипывать своими пластиковыми пальцами куски живой плоти, погружать в живое мясо свои конечности и бесстрастные пустые лица с яркими красками румянца и помады. Арматура, заранее запасенная мной, разнесла с пяток фигур, когда я спускалась туда в очередной раз. Стоит ступить на лестницу, и они замирают, они

снова куклы.

Третий этаж. Дверь. Тусклый свет, как от 45-ваттных ламп. Фигуры людей, нет, трупов. Гнилые, зловонные, с трупными пятнами, обвисшей и отслаивающейся кожей. Они, как и манекены, неподвижны, пока не ступишь на площадку. Невыразимо мерзкие существа начинают хватать тебя, оставляя липкие клочки кожи, слизь и вонь на том, чего коснулись. Гнилые зубы и синие холодные рты пытаются оторвать кусок. Я перебила их той же арматурой, почти всех, но не смогла спуститься ниже из-за животного ужаса темной бездны лестницы...

– Это всего лишь сон! – Инесса выпустила колечко дыма и вздохнула. – Он означает глубины твоего подсознания. Ты должна спуститься и познать себя.

Инесса эзотерик, как она сама себя величает. Высокая, крупная и статная блондинка с персиковой кожей, пухлыми губами, ярко-голубыми глазами слегка навывкате и нарисованной родинкой над верхней губой слева. Она гадает на таро, изучает литературу вроде Кастанеды и Блаватской и крайне уверена в своих силах.

– Еще иногда лестница означает спуск в жизни и карьере, но это не тот случай, – Инесса снова затягивается сигаретой, кашляет. Пышная грудь колыхается в такт спазмам. – Чертовы сигареты.

– Ин, а подсвечивать-то там можно? – дурацкий вопрос, но почему-то он меня волнует больше всего. Я этот сон ви-

жу очень часто, просыпаясь в холодном поту, и курю потом на кухне до рассвета.

– Свет загорится сам, как только ты победишь свои страхи, – авторитетно заявляет Инесса.

– А если не поборю? – робко спрашиваю я.

– Станешь одной из них, будешь мучить и убивать живых, – голубые глаза смотрят серьезно, но тут же проскакивает искорка смеха, и подруга заливается звонким хохотом. – Проснешься, дурында! Это же сон!

Я кривенько улыбаюсь: легко тебе говорить и смеяться. Мы просидели за разговорами и гаданиями до глубокой ночи, после чего я распрощалась и пошла домой. Страшновато ездить на лифтах, боюсь я их, но лестницы стали вызывать у меня просто панический ужас, особенно в темных подъездах. Я быстренько добежала до дома, благо жила через дом от Инессы, умылась, почистила зубы и легла спать.

Сон не заставил себя ждать. Дверь, лестница, этажи. Я спустилась на второй: обломки старых манекенов и новые, ожившие. Арматура, крошево, второй пролет. Третий этаж. Трупы. Занесла арматуру для удара и... «Пи-пи-пи-пи-пи», – раздалось над ухом.

Будильник? Разлепив глаза, я нашарила телефон, разбудивший меня так не вовремя – суббота же, выходной. Но раз уж проснулась – туалет, сигарета, попить. Посетив заведение мыслителя, я вошла в кухню и закурила. Может, поесть? Ночное обжорство – штука вредная для фигуры и самомне-

ния, но полезная для психики и довольной улыб...

Тут мне стало страшно: за дверью холодильника была она – лестница. Я захлопнула дверцу. Поморгала. Открыла. Она всё еще была там. Я ущипнула себя – больно, покраснение. Сосчитала до двадцати пяти и обратно – по-моему, не сплю. В голове не укладывалось происходящее, это было похоже на сон или полусон, когда уже встал, но еще в том мире. Что за черт, мать вашу, а?! Меня трясло. Осталось последнее средство проверки – набрать номер на телефоне. Я потянулась к смартфону и ввела домашний Инессы. С первого раза. Не путаясь в цифрах. Это, едрит его, не сон. Не сон!

– Алло? Чего тебе надо? – сонный голос подруги вернул меня к жизни.

– Инель, у меня проблема. – Я открыла холодильник в надежде – где там! – лестница никуда не делась. – У меня в холодильнике лестница!

– Обдолбанная дура! Чего ты там, опять накрылась шизоидом? Совсем долбанулась! – заорала подруга на меня из динамика.

– Я не шучу, – похоже, в моем голосе было что-то, что заставило поток мата прекратиться.

– Серьезно? – Инесса, кажется, проснулась.

– Ага, – мой голос был даже не обреченный.

Видимо, сильное потрясение спалило в мозгу какие-то предохранители, и я реагировала теперь на всё с каменным спокойствием. Ну сходят люди с ума, вот я переработала

и сошла. Добрый доктор, укольчики, месяцок отдыха в палате, и буду как новая.

– Иди ко мне, быстро, – почему-то забеспокоилась Инесса.

Ну пойду, и чего такого?

– Я н-не м-могу п-прийти, – я стояла перед открытой дверью кухни и смотрела в коридор.

– Почему? – голос Инессы стал очень тихим.

– Тут тоже, того, лестница.

Скулеж из трубки оповестил меня о том, что Инесса в растерянности или даже в шоке – не знаю, раньше такого не слышала от нее.

– Ты уверена, что это не глюк? – спросила она спустя пару секунд.

– Не знаю, – я и правда ничего уже не понимала.

– Проверь! – голос в трубке стал командным, параллельно раздавалось шуршание. – Одеваюсь и бегу к тебе.

Я аккуратно придвинулась к дверному проему и вздрогнула от вопля в динамике:

– Только не молчи!!!

– Ок, я подхожу. Лестница там. Я делаю шаг ближе – оттуда пахнет сыростью и пылью.

– Аккуратно, я уже выбегаю! – в трубке раздался стук двери подъезда и пыхтение бегущей Инессы.

– Смотрю вниз. Ни черта не видно, нужно наступить на площадку.

– Осторожно там! Давай аккуратно посмотри.

Я сделала шаг за дверь.

– Не вижу. Может, глубже? Очень страшно, Ин.

– Аккуратно, я почти рядом. Сейчас в домофон позвоню.

– Ок. О-ой! – застонала я.

– Что?! Что случилось?! Эй!

– Как я тебе открою? – я потерла лицо. – Я сейчас всё же зайду, посмотрю вниз.

Нет, я не дура. Я прихватила с кухни тесак, фонарик (недавно отремонтировала слив в раковине, так фонарь тут и остался) и красную монтировку (даже не смейтесь: да, я фанат, и у меня бардак!), и шагнула в коридор. Дверь за спиной хлопнула.

– Что это было? – Инесса насторожилась.

– Дверь. Это была дверь на кухню, и теперь у меня за спиной стена. Инес, по-моему, это конец.

– Твою мать! – закричала она. – Стой там! Не сп... ся я-я ш... пшшш-пшш. Г...е ы...е...я с... шшшш-пшшшш.

Связь оборвалась, но страх так и не появился. На этот раз я спущусь, у меня нет выхода, и либо выйду отсюда, либо... Либо ждите меня в своих снах. Удачи вам, ребята. Я буду ску...

Сладкий страх

Он затянулся сигаретой и выпустил колечки дыма. Они, медленно тая, уплыли в потолок.

– Страх, говоришь? Страх тут ни при чем. Когда я говорю «меня пугают» или «я боюсь», совсем не значит, что это страх. Точнее, не такой страх, к которому ты привык.

– А какой страх? – мальчик с непониманием смотрел на Него. – Я боюсь монстров под кроватью, ну то есть боялся. Я боюсь двойки, но это один страх, хоть и разных вещей. Я потею, у меня трясутся ноги и, наверно, эти, поджилки – не знаю, где они, но они точно трясутся. А как это – не такой страх?

Он посмотрел с усмешкой на мальчика: мелкий, синяки под глазами, тощенький. Умный парень, но еще ребенок.

– Вырастешь – поймешь, – Он снова затянулся сигаретой.

– Все так говорят. Объясни!

Мальчик обиделся и сидел, надувшись, но интерес заставлял его спрашивать дальше.

– Когда она говорит, мне больно. Нет, не так. В языках людей слишком мало слов, чтоб это описать. Я не потею, не трясусь. Я просто хочу вжаться глубже в пол, в стену, просочиться сквозь поры земли и спрятаться от этого визга, от этого грома. Будто тебя обливают раскаленной карамелью... Ты же трогал расплавленную карамель?

– Трогал. Больно, – мальчик поморщился, – но она сладкая.

– Именно, сладкая! Боль и сладость, эти руки, голос. Страх, как на американских горках, но тебе хочется исчезнуть, – Он задумался. – Нет, снова не то.

– А... – начал было мальчик, но в коридоре раздались мягкие крадущиеся шаги. Ребенок застыл, глядя на дверь комнаты, та медленно раскрылась.

– Мой масик маленький, пупсик, печенька любимая. Ты моя конфеточка. Чего не спишь, малипусик?

– Я об этом, – прошуршал Он, спешно утекая в темноту гардеробной.

– Мам, монстр под кроватью сказал, что у него от тебя страх сладкий. Это как?

Мама крепко прижала сына к себе, целуя его в лоб и лицо:

– Спи, малыш сладенький, монстров не существует, моя прелесть нежная. И кто накурил под окном, что так воняет в комнате?

Детские игры

– Ты что! Нельзя наступать на щели между плитами! – маленький Олежек был удивлен тем, что я такой большой, а не знаю элементарных вещей.

– А что еще нельзя? Недавно ты сидел на комодке и отказывался спускаться вниз, когда мама тебя звала, потому что пол – лава, – я смеялся про себя, но старался выглядеть серьезным, чтоб не обидеть Олежу.

– Лава, – подтвердил брат и серьезно кивнул. – А иногда водоворот – когда как.

– Но я же по нему прошел, унес тебя и не сторел, – я не смог сдержать улыбку.

– А ты взрослый, ты не видишь и тебе не опасно, – Олежек был крайне убедителен.

– И что, все дети это видят и знают? – мне уже было просто интересно – хоть какое-то занятие по дороге из садика, где «отбывал срок» братец.

– Почти все, – Олег взял меня за руку. – А между белыми полосками зебры на переходе иногда бывают пропасти, но они там не всегда. А хочешь, – неожиданно загорелся он, – я покажу тебе?

– Что? – я удивленно взглянул на мелкого.

– Как что? Всё, что есть на самом деле!

Я задумался. Обижать брата не хотелось, врать ему тоже,

а верить в то, что я что-то увижу... Извините, но это детские игры. Олег, видимо, заметил мои колебания.

– Не бойся, не увидишь, значит, не увидишь. Ты же взрослый.

– Ладно, давай, – махнул рукой я.

Ну и что, что мне уже девятнадцать, а Олеже четыре, рядом с ним я ощущал себя значительно младше, и мне даже нравились забавы братца. Да и моя девушка любила его, а, соответственно, можно было поймать ее еще и на этом. Парни знают, как легко девицы ловятся на малышей.

Олег ухватил меня за руку и потащил в сторону помойки, за которой был небольшой парк. Ну как парк, пятючок примерно на сто квадратов, заросший деревьями и кустами. Там иногда играли дети из окрестных дворов, но Олегу было запрещено туда ходить из-за бродячих собак и довольно жестоких игр старших ребят с киданием камнями и палками. Ну и ветки-пни-коряги, по мнению мамы, были довольно опасны. С последним я был согласен, ибо сам лет в семь умудрился разодрать руку, споткнувшись о какой-то корень в этом самом парке.

Олег дотащил меня до зарослей, почти полностью скрывавших довольно старый остов огромного некогда дерева. Даже я его не застал, по-моему, эта громадина всегда возвышалась тут и никогда не росла и не жила. Просто воткнули этот огромный пень высотой в два человеческих роста, так он тут и торчит испокон веков.

– Полезли, – Олег нырнул в кусты.

Я как загипнотизированный отправился следом. Олежек стоял у какого-то дупла или пролома. Насколько я помню, тут никто никогда не играл. Почему-то все обходили это дерево, даже старшие ребята. Это была какая-то запретная зона. Не помню уже почему, а может, и не знал никогда.

– Давай за мной! – Олег нырнул в этот пролом, мне же пришлось согнуться в три погибели, чтоб проскользнуть туда.

– Олег, вылезай, сюда нель...

Я умолк на полуслове. Внутри дерева места было определено больше, чем снаружи. Гораздо больше! Словно врата в другой мир, хотя почему словно? Передо мной раскинулась каменистая равнина с редкими валунами, обломками скал, пенящимися темными речками. Из трещин в сухой земле высывались тонкие жгутики, вроде как у медуз, и плавно шевелились не в такт сухому обжигающему ветру. Олег стоял метрах в трех от входа и смотрел на меня победно.

– Видишь? Это тот самый мир. Сейчас тут тихо, только на щели не наступай и держись рядом со скалами и камнями – там безопаснее.

Я не мог сказать ни слова, пораженный видом. Оглянувшись, я увидел пролом дупла и наш обычный мир за ним. Вход висел в пустоте, в воздухе. Просто как кусок зеркала без рамы, отражавшего что-то иное, чуждое этому месту.

– Пойдем, покажу тут всё, – Олег потянул меня за рукав. Я автоматически сделал шаг, и тут сверху раздался рев.

– Ой, бежим! Это Воздушное чудовище!

Брат помчался к пролому в пространстве, рев нарастал. Олежек первым нырнул в проход и потащил меня с собой. Я почти влез уже, когда моей ноги достиг поток воздуха от тела пикирующей твари и что-то царапнуло ее в последний момент, но я успел. Я сидел у дерева, прижавшись к нему спиной, по ноге сочилась кровь из пореза. Брат виновато стоял рядом.

– Нужно домой идти, мама заругает. Про ногу скажи, что я поцарапался об железяку около детского сада, ок?

Олег кивнул, взял меня за руку. Я, скрипя, поднялся, и мы двинулись к дому.

– Вот где вы шлялись? – мама вышла нас встречать в коридор. – Я уже заждалась, всё остынет, идите есть.

– Мам, я тут ногу немного порезал, есть чем перевязать? – я смотрел на нее с самым несчастным видом.

– Где? Сильно? – мама всполошилась, подбежала ко мне и стала обследовать мои голые голени, пару раз коснулась раны, я ойкнул.

– Где ты порезался?

– Да вот же, вон на ноге рана, и у тебя на руке кровь осталась, – я слегка обалдел от невнимательности моей мамы, которая всегда видела даже крошечный синяк прямо сквозь одежду.

– Ну и шутки у тебя! Дурацкие, – мама отмахнулась и пошла на кухню.

Я стоял в шоке.

– Она не видит, она взрослая, – тихо сказал мне брат.

Мы отправились на кухню. Я молчал и думал. Проглотил обед, ушел в комнату и сел на кровать. Если бы я знал, к чему это всё приведет, никогда бы не полез в то дупло. Видимо, что-то во мне изменилось в том месте, в тот момент...

Они стащили меня со шкафа, скрутили руки, пытались вколоть что-то. Я орал и отбивался, я висел на них, но, слава богу, не коснулся лавы на полу, которая вытекала из стен. Я отбил ногой этот ржавый нож, который они называли шприцем. Я видел, как он упал и растворился в огненных потоках на полу. Их вызвала мама, когда увидела, как я сижу на шкафу, услышала мой крик и поняла, что я не играю и не шучу.

Сейчас я в больнице. Под кроватью иногда ползает Чудовище, я вижу его когтистые лапы, высовывающиеся из-под нее. На проеме двери появляется Полип, он пытается съесть врачей и санитаров, но его щупики проходят насквозь. Иногда из углов хлещет вода, черная и пенная, и утекает в водоворот в полу.

Один раз ко мне пустили Олега вместе с мамой. Он уклонился от Полипа и кивнул мне с тоской в глазах. Я знаю, что брат чувствует себя виноватым. Скоро он перестанет их видеть, и они не смогут причинить ему вред. А я... или я проведу остатки своей жизни в психушке, или они достанут ме-

ня. Не наступайте на щели в асфалте.

Прячься

– Раз, два, три, четыре, пять! Я иду тебя искать!

Я повернулась и осмотрелась. Та-ак, все попрятались, поразбежались. Надоедает, но хоть какое-то развлечение. Пойду порыскаю по углам, они всегда выбирают места потемнее, пострашнее, но я всё равно всех их нахожу. У них не хватает мозгов спрятаться получше.

Что это? Скрип шкафа? Та-ак, а кто это тут у нас? Вопль чуть не снес меня с ног, волосы встали дыбом от него.

– Дик! Не ори, сколько просила! А если я оглохну? – я была сердита.

Дик, виновато поблескивая глазами, вылез из шкафа. Я пригладила прическу и отправилась дальше. Чулан. О этот чулан! Там всегда сидят Никки и Питер. Сейчас она будет плевать слизью, а он, как всегда, с каменным видом пройдет мимо. Ну вот, о чем я и говорила. Я успела отпрыгнуть – слизь Никки сложно отмыть с платья.

Остались еще трое – Деон, Вилли-Бинни и мадам Роза. Деон наверняка сидит в подвале, оставлю на потом. Вилли-Бинни на заднем дворе дома, туда и пойду, хоть подышу. А потом за мадам Розой.

Куча мусора зашевелилась, едва я стала к ней подходить – это Бинни, он всегда шевелится, когда волнуется. Вилли редко контролирует тело в такие моменты. Я стукнула ногой

по бочке, валяющейся с краю.

– Выходи уже, я нашла.

Из кучи мусора высунулись две головы с обиженными лицами.

– Мы же хорошо спрятались, – заговорили они одновременно.

Куча развалилась, и вылез весь Вилли-Бинни. Он пошмыгал носами и поплелся в дом, оставляя следы гноя на полу.

Осталась мадам Роза, но я не сомневаюсь, что найду ее на одном из дверных косяков. Слава богу, они всегда прячутся в одних и тех же местах. Сложнее всего было в первый раз, когда я только попала сюда. За полтора года я даже привыкла к ним и прониклась. Но правила игры диктуют они, я должна найти всех.

А вот и колючки-зубы мадам Розы. Хорошо, что она не сделает со мной того, что делает с людьми, на которых охотится. Я видела, как она кромсает плоть и всасывает шипами кровь.

– Мадам Роза, я тебя нашла, слезай.

Тонкие нити отделились от дверного косяка, и вниз с шипением сползла лиана-хищница. Сформировавшись в подобие человека, она уползла вниз по лестнице.

Деон, ты самый сложный, но я тебя найду.

Спустя два часа я поняла, что, похоже, проиграла – Деона нигде не было. Я обшарила все углы, всю посуду, все места, где он бывал или мог быть – пусто. Время к закату, а я

его еще не нашла. Остальные наблюдают за мной с любопытством. Черт, Деон, где ты?

– Сэм, малышка, ты, похоже, проиграла, – вкрадчивый тихий голос прибил меня к месту.

Солнце зашло. Я повернулась, Деон стоял во всей красе. тонкие черты лица перетекали из одних в другие, красивые руки скрещены на груди, огненно-оранжевые глаза сияли как две звезды. По-моему, я в него давно влюбилась...

– Деон, ты... я... Я не хочу, я хочу быть с тобой, с вами, – на глаза наворачивались слезы.

– Ты и так с нами останешься, – усмехнулся он. – Но от тебя зависит, в каком виде. Прячься!

Я стояла всего секунду, а потом побежала, спряталась.

– Раз, два, три, четыре, пять! Мы хотим тебя сожрать!

Я, конечно же, осталась с ними, ведь бежать мне было некуда, да они бы и не отпустили меня, и я стала бы добычей. Но они полюбили меня, как и я их. Малышка Сэм теперь со своим любимым Деоном и друзьями. Я теперь тоже умею прятаться в шкафах, углах, в вентшахтах. Я просто милая юная девушка с острыми когтями и игольчатыми зубами. И да: раз, два, три, четыре, пять! Сегодня я убью опять. Прячься!

Такие узкие щели

Вы, наверное, замечали, что между корпусами плотно стоящих панельных домов есть щели. Их закладывают какими-то белыми трубочками, замазывают, закрашивают, но внутри, между стенами, остаются полости. Они совсем маленькие – не больше десяти – пятнадцати сантиметров шириной. Казалось бы, что в них страшного? Но иногда... Впрочем, об этом поподробнее.

Как-то раз я возвращался с работы, было уже поздно, вечер. Под ногами хлюпала грязь от растаявшего снега, висел слабенький туман, и, естественно, горели не все фонари. Плелся я нога за ногу, бездумно смотрел по сторонам, под ноги и, кажется, ни о чем не думал. Вдруг мое внимание привлек какой-то звук, как пенопластом по бетону скребут, а потом шорох сыплющихся камешков. Машинально я повернул голову в ту сторону, откуда послышался звук.

Это был довольно новый дом, года два как построили, швы были беленькие, чистенькие. Один из швов, примерно на высоте четвертого этажа, выкрашивался прямо у меня на глазах. Я слегка замедлил ход, глядя на результат работы наших доблестных строителей, и подумал что-то вроде: «Во строят, а! Когда уже научатся?». Из щели высунулся кусок той самой трубочки (щель была узкая, сантиметров пять наверное, но у меня плохой глазомер). «Ну вот, этот гов-

няный раствор даже пенопласт выталкивает», – подумал я и уже было отвернулся, как заметил что-то еще. Из щели торчали какие-то длинные черные, будто лакированные... лапки? пальцы? Они перебирали по стене, поскрёбывали, продолжая выталкивать раствор и трубочки теплоизоляции.

Я застыл на месте и продолжал смотреть с огромным интересом. Страшно почему-то не было – наверное, от мысли, что в такой щели ничего большого и опасного жить не может. Пальцы продолжали скрести, и тут появилась вторая рука – невероятно узкая, хрупкая, с такими же длинными, сантиметров по сорок, пальцами, заканчивающимися острыми коготками. Теперь скребли две руки. Мне стало не по себе, но любопытство и оцепенение от усталости заставили меня просто отойти подальше за лысый, но густой куст и наблюдать.

Щель расширилась в длину, и существо стало вылезать. Вначале показалась плоская голова, она вылезала медленно, оставляя вокруг тягучие потёки прозрачной жидкости вроде силикатного клея. Следом высунулась очень длинная шея, тоже плоская, потом потянулось бесконечное тело, еще пара рук, снова тело, видимо, задние ноги, и в конце, когда эта тварь уже коснулась асфальта, слабо подрагивая, вытянулся хвост.

Существо было плоским и каким-то жалким. Я даже подумал, что все-таки это глюк, но тут тварь поднялась и стала обретать объем. Она, словно пластилиновая, собиралась

в кучу: плоскости распрямлялись, тело становилось плотнее и толще, и в итоге через несколько мгновений передо мной стояла пародия на полотна Гигера – длиннейшее узкое тело с бесконечным хвостом, двумя парами рук (именно рук, с тонкими пальцами и когтями: узкими и длинными), худыми и костлявыми задними ногами, вытянутой головой с двумя парами маленьких оранжевых глазок и обнаженными челюстями с рядами мелких пилообразных зубов.

Я стоял не дыша. Тварь приняхалась с шумным сопением бульдога, а затем повернула голову в мою сторону. Я замер окончательно, всё тело будто окаменело. Существо буравило меня взглядом.

Рядом с ним что-то металлически стукнуло, потом еще раз и еще. Я скосил глаза – головой вращать не получалось: крышка канализационного люка в паре метров от твари подпрыгивала на месте. Монстр вздохнул и повернулся к люку. Крышка подскочила еще раз и отползла. Существо потекло к открывшемуся отверстию и втянулось внутрь. Вернее, втягивалось оно невероятно долго, мне казалось, что прошли годы и столетия, прежде чем в канализации исчез хвост.

Я постоял еще пару минут и начал медленно пятиться подальше от того места, а через несколько метров повернулся и побежал, старательно огибая люки в асфальте. Домой влетел пулей, долго курил, трясясь, пил кофе.

Наутро я не пошел на работу, даже не позвонив начальству. Мне было плохо и страшно. Ближе к вечеру, слегка

отойдя, я вышел на балкон. Внизу открывалась панорама города с высоты двадцать восьмого этажа. Я курил и смотрел вниз, вдыхал запахи сырой весны. Что-то зашуршало рядом, и, повернув голову, я оцепенел. Оно сидело на стене, как гигантский расплющенный паук. Его глазки, не мигая, смотрели на меня испытующе, и мне казалось, что тварь улыбается. Существо шумно вздохнуло, и я с совершенно девчачьим воплем ринулся в квартиру, закрыл все двери и окна, задернул шторы. Оно не пыталось пролезть внутрь. Я даже не слышал его, просто знал: стоит мне выйти из дома – оно будет там. Ведь оно запомнило, как я пахну.

Sad

(Алексей Шишкин)

Авантюристы

*Бросаясь в пучину не раз,
Мы прёмся за синею птицей.
И приключенья преследуют нас
Одно за другим, вереницей.*

Каждое лето Санек и Серега ездили по России-матушке и выискивали загадочные места и строения. Где они только не были: почти семь дней искали призраков в каком-то заброшенном замке, около полутора недель вынюхивали обо-

ротней в странном и зловещем лесу, трое или четверо суток ползали в глубокой и извилистой пещере в поисках гномов или еще кого-нибудь. Но как правило, никого друзья не находили, за исключением удачно и очень неожиданно появившихся животных. И когда кто-то из парней пугался, второй над ним долго подшучивал.

Сейчас ребята двигались на восток. Едут себе, слушают музыку, смотрят по сторонам. Вот уже поля сменились густым лиственным лесом. Парни травят друг другу услышанные когда-то байки, страшилки и надеются хоть что-то интересное найти до заката. Конечно, можно и в лесу лагерь разбить, но уже не терпится.

– Сань, – Сергей ткнул друга в плечо.

– Чего? В нужник захотел? – кинул в ответ товарищ.

– Да нет. Мне показалось, там поворот был...

– Где? – поинтересовался, выпучив глаза, Саня и остановил машину.

– Вон там, метрах в ста сзади, справа, – указывал пальцем Серега.

Водитель развернул автомобиль и подъехал к тому самому повороту, который заметил друг. Надо сказать, что дороги как таковой там не было, но все же виднелась незаросшая тропинка, и проехать можно, поэтому машина двинулась в гущу леса. По бокам росли какие-то кусты, которые шуршали ветками по кузову выдавшей виды нивы. Вскоре растительность расступилась, и дорога стала шире.

Ехать пришлось недолго – впереди показался мост через речку: деревянный, с крышей, метров двадцать длиной. На вид довольно крепкий, вроде не видать трухи.

– Да ладно! Кажись, что-то нашли, – с улыбкой протянул Санек. – Глазастый, мухомор.

– А то! – произнес гордо Серега в ответ. – Ну чего встал? Рули давай.

И вот они въехали на мост. Едут минуту, две, а мост не кончается. Едут, переглядываются, не понимая, как такое может быть. На миг потемнело, а затем стало всё как прежде – как будто мир вокруг моргнул... Минут через пять выехали и остановились, вышли из машины, смотрят назад: крытый мост, метров двадцать, самый обыкновенный.

– Ничего не понимаю, – произнес фразу знаменитых Колбков Сашка.

– Аналогично, – в ответ ему процитировал всё тех же Колбков Серега.

Солнце уже клонилось к горизонту, хотя вроде только что было в зените. Эти странности лишь распаляли любопытство друзей, и те, переглянувшись, быстро запрыгнули в автомобиль и поехали дальше. Лес резко оборвался, и вдалеке стали различаться домики.

Парни доехали до деревни, фантазируя и наперебой рассказывая друг другу о своих ожиданиях. О страшных бабушках с крючковатым носом и костяной ногой – чтоб обязательно. О низкорослых дедках с бородой лопатой и прочих

мыслях. Поселение было приличного размера, в пару сотен домов. Солнце почти скрылось, и друзья решили в первом же домике спросить, где можно переночевать. Остановились, дошли до заборчика. Калитка была закрыта, а замком служила проволока. Кричать как-то не хотелось, а то сбежится народ, поэтому парни прошли к избушке и постучали.

Не подтверждая ожиданий, дверь открыла обычная старушка с платком на голове и в старом халате.

– Чего вам, сынки? – поинтересовалась бабуля.

– Здравствуйте, бабушка. Нам бы переночевать. Где тут у вас можно кости бросить?

– Ой, сынки, зря вы сюда приехали. Нечисть у нас тут водится, почти всю деревню извела. Нас тут осталось-то, почи-тай, человек пятнадцать.

Парней заинтриговала такая новость, и они решили во что бы то ни стало уговорить бабулю подсказать, где можно устроиться. Конечно, называть истинную причину, мол, мы того и ищем, не стали, а начали заливать, что долго ехали, устали, хотя бы ночку отдохнуть. Старушка указала дальше по улице и, тяжело вздохнув, проговорила:

– Там все дома пустые, выбирайте, ночуйте. Но на ночь закройте двери и окна, никому не отворяйте. Огонь не разводите и не шумите, а то беду накличете, – и закрыла дверь.

На улице совсем стемнело. Друзья сели в машину и поехали выбирать себе ночлег. Едут, глядят по сторонам – дом присматривают. Один осевший, другой кривой, третий ка-

кой-то зеленый. Наконец остановились у довольно приличной и на вид просторной избы.

– Во!

– Нормуль.

Дом и правда был немаленьким – метров пятнадцать в ширину и около двадцати в длину, да еще в два этажа.

– Хоромина, – прошепелявил один.

– Ага, огромина, – ответил второй.

Вытащили всё свое добро и пошли заселяться. Затащили в дом рюкзаки, оставили их в сенях и стали изучать обстановку. Электричества в деревне не было – только сейчас это дошло до парней, как и слова бабули про огонь, но это не страшно, готовые ко всему друзья достали фонари.

Саня заглянул в дверь слева: посреди помещения стоял большой, массивный обеденный стол, вокруг шесть стульев. Дальше у стены располагались плита и разделочный столик, над ними висели шкафчики для посуды и остальных принадлежностей. В это время Серега изучал комнату справа – там была гостиная. Сразу бросались в глаза камин, какой-то старинный диван или софа, несколько стульев и пара кресел. Мебель была как будто из девятнадцатого века, а может, и была той самой. Дальше за гостиной находилась спальня с огромной кроватью, а за кухней – выход на второй этаж. Рядом с лестницей была дверь на задний двор, где стояла банька, что очень радовало, а за банькой туалет. На втором этаже располагались четыре спальни.

– Саня, – закричал Серега другу, – как думаешь, на фигу им столько спален?

– Да хрен их знает. Может, детей было много, или гостей.

На улице давно стемнело, луна была какая-то тусклая. Кусты сирени во дворе приняли причудливые формы, ветер приводил их в движение и шелестел листвой. Серега пошел проверить удобства и чуть не провалился, но обошлось. Присел на корточки, сидит «проверяет». Уборная сделана на совесть: ни щелочки, даже ветерок не тревожит. Увидел, что ручка дергается, и говорит специально грубым голосом:

– За-анято! – и хихикает, а ручка дальше ерзает. – Да занято. Сказал же!

Ручка застыла. Оправившись, Серега вернулся в дом, в гостиной у разожженного камина нашел Саню.

– Ну иди, – сказал Серж другу.

– Куда?

– В сортир. Ты же хотел. Или уже все, не надо? – пошутил Серега.

– Я не хотел.

– В смысле? – уставился непонимающими глазами товарищ. – Ты же ручку туалета дергал.

– Ничего я не дергал, я вон камин разжигал. – И смотрят так недоверчиво друг на друга, щурятся.

– Ну ладно. Пожевать бы чего...

Чтобы не тратить много времени на приготовление, парни достали из рюкзаков по баночке консервированной каши

и хлебцы и наскоро перекусили.

Напольные часы с боем показывали почти три часа ночи. Усилился ветер, захлопали ставни.

– Что-то холодно стало, да?.. – скорее все же констатировал, чем спросил Саня.

– Ага, и это с разведенным огнем. Пойду спальники при-тащу.

По потолку как будто покатился стальной шарик.

– На чердаке забыли закрыть окно, – первым высказался Санек.

– Нда. Да фиг с ним, завтра закроем.

На том и порешили. Залезли в мешки и легли неподалеку от камина, но уснуть как-то не вышло. На улице, кроме настырно стучащего ставнями ветра, стоял еще какой-то гул, как будто туча пчел или других насекомых окружила дом. Иногда слышались даже голоса. На чердаке что-то каталось и падало, да еще эти часы каждый час гремели.

Ночь прошла не очень. Невыспавшиеся друзья к одиннадцати утра все же встали. Закончив утренний туалет и собравшись позавтракать, они обнаружили, что у них полностью отсутствует запас воды, чего просто не могло произойти по забывчивости. Парни переглянулись и, поняв по взглядам, что это не шутка друг друга, молча отправились к машине, чтобы узнать, где тут магазинчик.

Доехав до дома вчерашней бабули и постучав в дверь, они молча ждали. Никто не открыл. Постучали еще – никого.

Обошли дом, заглянули в огород – пусто.

– Может, ушла куда... – предположил Серега.

Санек кивнул в ответ, и они зашагали к избе напротив. Там их ждала похожая ситуация. Помявшись, почесав затылки, любопытные туристы решили дойти до следующих домов и разделились. Сереге повезло – он узнал, что дальше по дороге, которой они ехали, километрах в десяти есть городок, там и можно найти магазин, а в деревне своего нет.

– Ну ладно, поехали, – сказал Саня и первым пошел к машине.

Довольно быстро добрались до речки и въехали на мост. Минута, две, три... Все вокруг моргнуло... Через пять минут выехали и, не глядя особо по сторонам, двигались вперед. Лес резко оборвался, и показались домики деревушки.

– Не понял, – сказал Саня и остановил ниву.

– Чё за фигня? – воскликнул следом второй.

Автомобиль развернулся и двинулся снова к мосту. Въехали на мост. Минута, две, три, пять... Выехали, но снова в сторону деревни.

– Чё за... – в глазах обоих парней было недоумение.

Попробовали без машины – то же самое. В воду лезть не хотелось – видны были довольно крупные щуки. Сели в автомобиль и поехали в деревню выяснять, что за дрянь тут происходит.

Найдя в огороде бабушку, что рассказала про городок, стали задавать вопросы. Но та отвечать не хотела и быстро,

как только могла, ретировалась в дом.

– Ну не врываться же.

– Да-а-а... Так, Серега, разделимся, встречаемся у машины, как только хоть что-то выясним. Первый вернувшийся сигналил три раза.

– Ок.

Через пару часов Серега давил на клаксон условленные три раза. Саня появился минут через десять и сел в машину.

– Рассказывай.

– Тут, короче, остались одни бабульки. Нет, правда, ни одного деда. Про какое-то проклятье говорят, хотя и без желания. Беда нас с тобой ждет. Говорят, мужики за мост попасть не могут, такие дела.

– Да ну нах... Не верю! Должен же быть какой-то выход. Ведь должен! Что мы должны сделать: перецеловать всех оставшихся бабулек, перекопать им огороды, принести кого-то в жертву? Что?

– Избавить деревню от нечисти, – спокойно ответил Серж.

– Чего? – с недоверием поинтересовался Санек. – Мы, конечно, всё это искали, надеялись увидеть, но ничего такого не существует. Это лишь интересное времяпровождение, не больше.

– Допустим. А как ты объяснишь фигню с мостом?

– Никак, – потупив взгляд, ответил друг, завел машину и направил ее к дому.

По дороге Серега рассказал, что за деревней есть часовен-

ка, а за ней в полутора километрах кладбище, якобы оттуда (с того самого погоста) эта чертовщина и приходит. Солнце клонилось к закату, и парни решили сегодня в часовню не ехать – вечером вряд ли кто-то там будет, если и вообще бывает.

Готовить серьезный ужин не хотелось, и друзья наскоро перекусили консервами, думая, как выбраться из этого места. Решили попариться в баньке – когда еще представится такой случай. Натопили, натаскали дождевой воды из бочки, что стояла тут же рядом, и пошли париться.

Вдоволь напарившись, красные и довольные друзья пошли в дом. На улице уже стемнело. Серега зажег имевшиеся в канделябрах и бра свечи, Саня ушел закрывать окно на чердаке. Время уже за полночь, задул сильный ветер, и в доме, несмотря на горящий камин, стало резко холодать. Друзья залезли в спальники, чтобы согреться, время от времени перебрасывались мыслями о завтрашнем дне. Вернулся непонятный вчерашний гул, и ветер снова застучал ставнями. По потолку вновь разнесся звук катящегося стального шара. Парни переглянулись: Саня ведь закрыл окно, так что от ветра там ничего шуметь не может. Звук повторился, а затем в окно кто-то постучал...

– Это кого недобрая на ночь глядя, да еще в такую погоду принесла? – недоверчиво пробубнил Саня и подошел к окну.

Смотрел, высматривал – никого. Гул усиливался, ветер гонял по двору обломанные ветки сирени, ведра – все, что по-

падалось на пути.

– Кто там? – поинтересовался Серый.

– Никого. Наверное, ветром что-то кинуло, – предположил товарищ.

Снова послышался отчетливый стук в окно. Саня повернулся и резко отпрянул, споткнувшись о непонятно откуда взявшийся стул. Быстро поднялся и неуверенно выглянул в окно – никого не было.

– Ты чего?

– Там это... – не хотел говорить Саня. – Показалось.

– А что показалось-то? – не отставал сидящий у камина товарищ.

– Как будто женщина стояла, с ребенком на руках. Обгоревшая такая, вроде улыбалась, а глаза дикие, черные. Да говорю же, показалось, – усаживаясь рядом с товарищем, сказал Санек.

– Ну-ну. Надо было съездить все же в часовню, хоть святой воды взяли бы...

Слова Сереги прервал раскат грома, за окном начался ливень, молния моргала каждую минуту. Послышался стук в дверь, но никто не спешил ее открыть. Стук стал настойчивее. Парни молча взяли топоры и направились к двери. Приоткрыв слегка, всматривались в образовавшуюся щель – никого. Открыли шире, но за дверью никого не было, хотя они явно ощущали чье-то присутствие. Присмотревшись, заметили в темноте силуэт, переглянулись. Как только повер-

нули головы к открытой двери, так резко от нее и отпрыгнули: метрах в трех от дома стояла та «показавшаяся» женщина и смотрела на ошарашенных парней. Помедлив пару мгновений, она сделала шаг в их сторону, второй, третий...

Первым подорвался Саня и захлопнул дверь, опершись на нее спиной. В глазах парня отчетливо читался неподдельный ужас. Снаружи снова забарабанили. Вдруг все сразу стихло: ни тебе стуков, ни ветра, ни гула не слышно. Но через миг Саню швырнуло в стену напротив вместе с дверью. На пороге в ярких отблесках молний стояла женщина с черными немигающими глазами, рот был слегка вытянут в недоброй ухмылке. Гул с еще большей силой проникал в уши, ветер ворвался в дом. Сергей не мог двинуться с места, топор выпал из руки, Сашка лежал у стены без движения. Женщина двинулась к тому, кто был ближе... Где-то неуверенно закукарекал петух, и всё в один миг прекратилось.

Очнувшись через несколько часов, товарищи отправились на поиски разъяснений. Отыскали бабулю, что о проклятье говорила, и устроили допрос (без пристрастия, конечно). И поведала она историю про одну женщину, жившую на отшибе за деревней. Занималась та чем-то странным: то ли с духами дружбу водила, то ли что-то в этом роде, в общем, ведьмой ее прозвали. Никто с ней не общался, лишь изредка, в крайнем случае ходили к ней за отварами от хворей, а так ни ногой.

Как-то увидели местные, что у нее ребеночек появился – никак дьявольское отродье. Собрались мужики и пошли ее жечь. Тогда ведьма и прокляла весь мужской род этой деревни: мол, и уйти не смогут, и житья им здесь не будет. С тех пор ходит неуспокоенная душа по деревне, убивая стариков, мужиков и мальчиков. Вот их и не осталось, только старушки.

– Может, ее нормально похоронить, что ли? – предложил Серега.

– И чего?

– Да ничего, надо же хоть что-то сделать.

На том и порешили. Поехали в часовню – конечно, там никого не оказалось – набрали воды из купели и поехали на пепелище.

– Как-то быстро тут темнеет, – говорит Серега.

– Заметил, – сухо ответил друг.

Нужное место нашли, когда солнце уже почти скрылось. Вокруг даже птиц не слышать. Достали из машины лопату и стали собирать пепел в захваченную по пути коробку. Когда закончили, быстренько погрузили все обратно в багажник и поехали на кладбище.

Уже совсем стемнело. Налетел ветер, нарастал гул, на небе засверкали молнии, вот-вот начнется дождь. Не доехав до цели метров триста, машина заглохла. Делать нечего, друзья схватили коробку, лопату и побежали. Начался ливень, ветер бросал под ноги ветки, откуда ни возьмись на пути по-

являлись камни. Друзья, спотыкаясь, торопились завершить задуманное.

Сзади послышался стон. Серега обернулся и заорал:

– Твою же... – недоговорил он, споткнувшись о камень.

– Быстрее! – подгонял Саня.

– Ё! Она нас догоняет!

Осталось совсем немного. Серега дрожащим голосом читал «Отче наш», а Саня нашел свободную могилку, бросил коробку на дно и стал руками засыпать яму. Подоспевший друг, не прекращая читать молитву, работал лопатой. Земля, уже сильно намокшая, затрудняла работу парней.

Женщина медленно, но уверенно приближалась и что-то бормотала. На ней было обгорелое платье, на руках обожженный младенец. Саня, весь измазанный землей, стоя на коленях, сам напоминал ожившего мертвеца. Ведьма уже стояла у ограды, продолжая бормотать, иногда взвизгивала и слала новые проклятия. Ветер сильно дул в глаза и швырял какой-то мусор, не давая друзьям завершить дело. Наконец зарытую могилу окропили святой водой, еще трижды прочли дуэтом «Отче наш», и все вроде начало стихать.

Подождали немного, отдышались и неуверенно поплелись к машине. Та на удивление сразу завелась, и парни отправились к дому. Там они собрали свои пожитки и, не дожидаясь рассвета, молча направили свою старенькую ниву вон из этого проклятого места. Доехав до моста, остановились, перекрестились...

– С Богом, – сказал Серега.

– К че... – осекся Саня. – С Богом, – и дал газу.

Мост проехали за несколько секунд и, не останавливаясь, направились к обещанному городку.

Актерское мастерство

Актеры, как правило, люди суеверные. Да и как тут не верить в приметы, когда море примеров. Сыграл артист большого раком на сцене, а через пару лет умер по-настоящему. И поэтому далеко не каждый соглашается играть в мистике, ужасах, не хотят иметь с этим никакого дела.

В обычном провинциальном городе с населением в пятьдесят тысяч человек есть народный театр на базе местного Центра культуры и духовности им. Пушкина – обычное дело. Труппа ставит разные спектакли, ездит с ними на фестивали и конкурсы по всей стране, бывало, и за границу выбирались. Репертуар в основном современный, так как нынешнего зрителя заинтересовать классикой довольно сложно, да и подготовка таких постановок занимает гораздо больше времени. Ведь нужно знать эпоху и, как говорится, жить материалом. Длительные поиски остановились на мистической пьесе неизвестного автора, которую нашли в интернете. Прошли читки, все были за. Режиссер раздал роли, и работа закипела.

Актер Василий, игравший главного героя, самозабвенно отдался своей роли и глубоко вжился в образ. В тот день он пришел на репетицию нервный, без энтузиазма поздоровался с явившимися раньше и проследовал в костюмерную переодеваться. После этого он зашел в бутафорскую за необхо-

димым реквизитом и направился в кабинет режиссера, чтобы узнать о плане работ.

– Доброго дня, Федор Васильевич. Что у нас нового? Нашли, кого поставить на роль жертвы номер один? – поинтересовался Вася.

– Да, согласился один новичок, Никитин. Но ты же знаешь, он деревянный, тебе придется его вытягивать, – спокойно ответил режиссер. – Вопросы, прения, вонь?

– А у меня есть выбор?

– Нет.

– Хорошо, пойду готовиться, – ответил Василий и направился на сцену.

Зайдя в малый зал, в котором проходили репетиционные подготовки, он позвал новичка и вкратце объяснил, что к чему и где его вещи. После актер собрал всех участвующих в эпизоде, и начали разминку. Настроение Васи улучшилось, и он уже рвался в бой.

В зал зашел режиссер, и репетиция началась. По сюжету главный герой с друзьями после автокатастрофы попал в полуразрушенную церквушку, стоящую в сотне метров от дороги, где они и решили заночевать, так как уже стемнело, а машин на трассе совсем не было. Собирался дождь, гремел гром и сверкала молния. Сполохи не прекращались, хотя было уже пора.

– Ветошкин! – крикнул режиссер технику, который, собственно, и включал все эффекты на сцене. – Ветошкин! Ка-

кого черта молния до сих пор сверкает?

– А я и не включал, – из операторской вышел заспанный техник.

– То есть как не включал? А что же оно, по-твоему, само включилось?

– Да-а-а, – начал приходить в себя Ветошкин, и его глаза округлились от осознания происходящего. – Прошу прощения, виноват. Я закемарил, – решив замять ситуацию, пробубнил техник.

Актеры на сцене молча ждали дальнейших указаний.

– Всё сначала! – с раздражением выпалил Федор Васильевич. – Все на исходную!

Вася с друзьями, прячась от собирающегося дождя, входят в полуразрушенную церквушку, гремит гром, сверкает молния. Парни рассаживаются по оставшимся еще целыми скамейкам.

– Как тебя угораздило-то? – спрашивает первый второго.

– Как-как... А ты кабана не видел, что ли? Он прям под колеса выскочил, – оправдывался второй.

– Какой кабан? – наседал третий. – Какой кабан? Чего ты свистишь? Я никого не видел.

– Говорю же тебе, кабан из-за кустов выскочил, да здоровый такой.

– Да даже если кабан, ну помял бы немного бампер, и все. А теперь, блин, из-за тебя сидим посреди леса в какой-то развалюхе. Машина в кювете, а до города еще километров

пятьдесят, связи нет. Чего нам теперь прикажешь делать?

– А ничего! – разозлился водитель. – У меня машина покорёжена, а ты... ноешь тут. Ничего с тобой не случится, заночуем здесь – хоть какая-то крыша над головой, а завтра выйдем на трассу и поймаем кого-нибудь.

Вася молча сидел и разглядывал потемневшие облупленные стены, еще висящие кое-где образы и о чем-то думал. Почему-то его настораживало это место. Ну не могли вот так бросить здесь иконы, что-то не так. Пока друзья выясняли, кто прав, кто виноват, Василий подошел к стене и, подсветив зажигалкой, упорно что-то разглядывал – следы, что ли. Похоже на копыта, но на стене... И что удивительно, они поднимались к потолку, но туда свет уже не доставал, и разглядеть, где они заканчивались, не удалось.

Забарабанил дождь, вода потекла по стенам и местами капала с потолка. Но был и еще какой-то звук. Стук? Топот? Цокот? Не разобрать.

– Тихо! – гаркнул Вася на разгоряченных парней, у которых чуть до драки не дошло. – Слышите? – уже спокойно задал он вопрос.

Все стали прислушиваться.

– Ничего не слышу, – через мгновение сказал первый.

– И я ничего, – отозвался третий.

– Идите сюда, кажется, звук оттуда, – позвал Василий парней и прижался ухом к облупившейся поверхности стены, остальные последовали его примеру.

– Никитин! Ты чего такой ватный?! Ты должен был первым подорваться. Ты свою характеристику помнишь? Как думаешь, почему ты жертва номер один? – кричал режиссер.

– Да-да, помню. Исправлюсь, – ответил виновато актер.

– Когда ты исправишься? Только это и слышу. Давайте с Васиного «Тихо!».

– Тихо! – гаркнул Вася на разгоряченных парней, у которых чуть до драки не дошло. – Слышите? – уже спокойно задал вопрос.

Все стали прислушиваться.

– Ничего не слышу, – через мгновение сказал первый.

– И я ничего, – отозвался третий.

– Идите сюда, кажется, звук оттуда.

Новичок быстро подскочил к стене и прижал к ней ухо.

Подошли остальные и сделали то же самое.

– Это что? Похоже на топот или цокот копыт, – предположил Никитин.

– Похоже, – согласились остальные.

– Табун лошадей, наверное, – высказал свою мысль третий. – А что, я видел как-то... – не успел он продолжить мысль, как его оборвал Вася.

– Да заткнись ты. Вы на стену посмотрите, – он указал на имевшиеся там следы.

Василий посмотрел на часы в телефоне – 00:23. Звук от стены усиливался. Саня, тот, что водитель, смог рассмотреть какое-то отверстие в стене примерно на высоте двух

метров.

– Там окошко, что ли... Сейчас притащу скамейку, посмотрим, что за стеной, – вечно любопытный и шустрый Санек оставил друзей в свете софита и быстро зашагал в темноту сцены за скамьей.

Прошла минута, парни, прислушиваясь к звукам, не обратили внимания на то, что товарища до сих пор нет. Высказывая предположения об источнике звука, они вспомнили о друге.

– Саня, ну ты где там? – бросил вопрос в темноту первый, но никто не ответил.

– Санек, ты через Москву пошел, что ли? – добавил свою лепту третий.

В распахнутой ветром двери сверкнула молния, и парни увидели лежащего возле скамейки товарища. Они кинулись к неподвижному телу. Саня лежал с широко раскрытыми глазами, рот застыл в беззвучном крике...

– Какого черта? – тихо задал вопрос третий. – Что за...

– Стоп! – крикнул режиссер. – Схему эпизода наметили, завтра повторяем этот эпизод и идем дальше.

Звук, исходящий от стены, стал настолько отчетливым, что не оставалось сомнений в их источнике – это действительно был цокот копыт. Парни в недоумении переглядывались. Только что лежащий без дыхания друг резко поднялся на ноги, как будто его кто-то поднял, с каким-то мычанием схватил одного из актеров и впился зубами в шею. Друзья,

опешив, сначала не знали, как поступить, но через пару секунд уже пытались оторвать одичавшего от покусанного товарища. Тот катался по полу и дико орал. Из-под руки, закрывающей рану, текла кровь.

Василий хотел было помочь перевязать рану, но понимал. отпусти он бывшего друга, тот может поживиться и ими. Пока парни ремнями связывали восставшего, катавшийся по полу уже почти не двигался. В ранее замеченном в стене проеме что-то показалось. Все замерли. Нечто прыгнуло в сторону Василия, но тот успел пригнуться, и оно наскочило на единственного оставшегося товарища. Василий попятился, но уперся в стену. В окошке над головой появлялись всё новые твари и спрыгивали на пол, издавая характерный звук стучащих по дереву копыт. Со стороны двери моргала молния, гремел гром, свет потух.

Зрители захлопали и встали. Через час жюри уже награждало дипломами и грамотами коллективы, занявшие призовые места. Спектакль под незамысловатым названием «Не Чисть» получил награды за техническое решение и главную роль, а также получил Гран-при. Вот только техник так никому и не сказал, что ко всем эффектам он никакого отношения не имеет. Так и ушел из театра поседевший.

Пожирающий

Вера с самого детства – с момента, как начала себя осознавать, – видела потусторонние сущности. В раннем возрасте, еще не понимая, к чему это может привести, девочка рассказывала об этом родителям. Конечно же, они не верили и побаивались психических отклонений в развитии ребенка.

Вера сидела на подоконнике и смотрела в окно – шел проливной дождь. Лужи буквально бурлили от количества капель, врывающихся в поверхность водной глади. Отражения рябили и никак не желали обрести четкую, постоянную форму. Разноцветные кружева, которые образовывались после попадания топлива в воду, привлекали внимание своей вязью и причудливыми формами. В такие моменты становилось как-то тоскливо на душе. Не противно, не грустно, просто вся эта серость...

– Да-а-ва-ай поигра-а-ем, – донеслось из угла комнаты хрипкое шипение.

– Во что? – не поворачивая головы, спросила Вера.

– В пря-ятки-и, – послышалось в ответ.

– Да ну, с тобой неинтересно в прятки играть. Ты опять куда-нибудь на антресоль спрячешься, – не закончила мысль девушка, – да и я уже взрослая. Это еще десять лет назад было интересно, а сейчас извини. Ты, кстати, где столько про падал?

– Гуля-ял, – ответила не имеющая постоянной формы сущность.

– А мне на экзаменах так нужна была твоя помощь! Ну да ладно, сама справилась.

Вера и правда хорошо сдала выпускные экзамены в школе, поступила на экономический, отучилась и устроилась менеджером в компанию, занимающуюся поставками компьютерной техники. Работа обычная: какая-нибудь фирма делает заказ на определенное IT-оборудование, а Вера продает. Многие люди в порыве каких-либо эмоций разговаривают с телевизорами, компьютерами, да и вообще с любой техникой, на их взгляд, делающей что-то не так, ну и по другим причинам. Это сыграло свою роль и для Веры, так как она иногда разговаривала с сущностями, которых никто не видит, и это списывалось на разговоры с техникой. На это особого внимания никто не обращал – за всеми водились такие грешки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.